

РАННЯЯ ПТАШКА

ДЖАСПЕР ФФОРДЕ

«ДИКИЙ ЗИМНИЙ МИР, ОЖИВЛЕННЫЙ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИМ ЮМОРОМ ФФОРДЕ.
ФАНАТЫ ДУГЛАСА АДАМСА НАСЛАДЯТСЯ ЭТОЙ АТМОСФЕРОЙ».

PUBLISHERS WEEKLY

fan_zon

Джаспер Ффорде

Ранняя пташка

Серия «Большая фантастика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48477960

*Ранняя пташка:
ISBN 978-5-04-105815-9*

Аннотация

В долгие Зимы человечество научилось впадать в спячку, принимая препарат, чтобы не видеть сны, предварительно запасая жирок и обрастая зимней шерстью.

Чарли Уортинга больше не устраивает быть «мальчиком на побегушках» в Приюте, и он решается поступить на службу Зимним Консулом, охранять людей во время спячки. Опасная работа приводит его в Двенадцатый сектор, где люди видят одинаковые «вирусные» сны. Уортингу предстоит закончить расследование убитого по его вине наставника. Легенды о Зимнем людe здесь становятся суровой реальностью, и все оказывается еще сложнее.

Содержание

Миссис Тиффен умела играть на бузуки[1]	6
Обжорный четверг	15
Джек Логан	33
Испытание	43
Ночи Кардиффа	55
Оливер Тиффен сгорает на работе	75
Мертир	90
Знакомство с Авророй	112
«Джон Эдвард Джонс»	122
Через горы	137
Талгарт и «Гибер-тех»	152
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Джаспер Ффорде

Ранняя пташка

*Посвящается Рулен Марии Айви Анне
Ффорде-Горриндж, сотворенной в Австралии, но
вдохновленной Уэльсом ...и знающей толк в зимней
спячке.*

© Саксин С., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Краткий путеводитель по

Дормиториуму

Современная модель Мк-276
«Верзила», принятая в качестве
стандарта более чем в 87 странах

Этажей: 38

Спальных мест: 8000

Персонал (лето): 322

Персонал (зима): 2

Обогрев: ядерный реактор

Стоимость: 780 миллионов

фунтов стерлингов

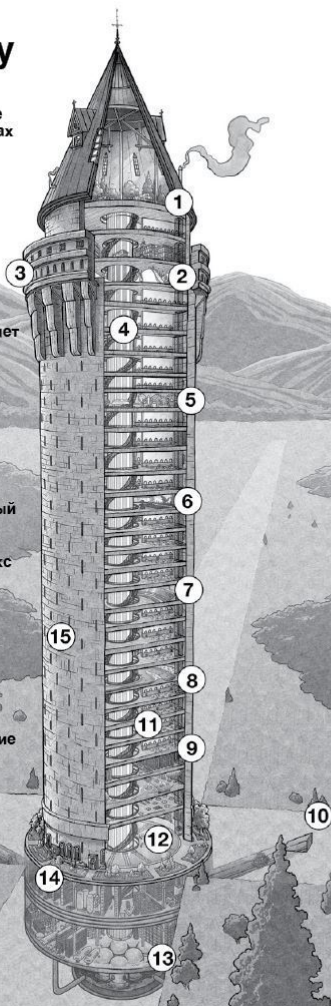
Ожидаемый срок службы: 500 лет

Количество построенных

Дормиториумов: 13 987

Цифрами обозначены:

1. Сад на крыше
2. Крытая лыжная трасса
3. Площадка для прогулок
4. Центральный обогревательный «колодец»
5. Парк аттракционов
6. Многоэкранный кинокомплекс
7. Велодром
8. Крытый пляж
9. Библиотека
10. Вход с улицы
11. Жилые помещения
12. Холл
13. Атомный реактор системы отопления
14. Магазины и автостоянка
15. Теплоизоляционное покрытие

Миссис Тиффен умела играть на бузуки¹

*«...Выживаемость в период зимней спячки увеличилась благодаря появлению Дормиториумов, эффективным режимам набора веса и “морфеноксу”, однако предубеждения и страхи еще остаются. Зимняя спячка – это не только желание избежать худших последствий зимы, но также отдых и обновление, и мы стремились сделать так, чтобы защитное покрывало долгого сна было теплым и уютным...»
Из «Семнадцати Зим» Зимнего консула Ланса Джонса*

Миссис Тиффен умела играть на бузуки. Так себе, и только одну мелодию: «Помоги себе сам» Тома Джонса ². Она перебирала струны умело, но без чувств, уставившись невидящим взором на проплывающие за окном поезда снег и лед. Мы с ней не обменялись ни единой разумной фразой с тех самых пор, как впервые встретились пять часов назад, и причина этого была легко объяснима: миссис Тиффен была

¹ Бузуки – греческий струнный музыкальный инструмент, похожий на мандолину. (Прим. переводчика.)

² Том Джонс (наст. имя Томас Джонс Вудворт) (род. 1940) – популярный валлийский певец и композитор. «Помоги себе сам» – одна из самых известных его песен, записана в 1968 году. (Прим. переводчика.)

мертва, причем умерла она еще несколько лет назад.

– Зима будет мягкой, – сказала седая женщина, сидящая напротив нас с миссис Тиффен, когда поезд отъехал от центрального вокзала Кардиффа. – Я так полагаю, средняя температура не опустится ниже минус сорока.

– Можно сказать, жара, – ответил я, и мы рассмеялись, хотя на самом деле в этом не было ничего смешного, абсолютно ничего.

После некоторых раздумий я заключил, что моя собеседница, скорее всего, актриса, участница обширного Зимнего драматического общества. Зрителей у общества было немного, но все до одного благодарные поклонники. Актерам, играющим летом, приходилось довольствоваться сильно разбавленным уважением толпы, в то время как Зимним актерам всецело принадлежало восхищение маленькой горстки ценителей.

Сделав краткую остановку на Куин-стрит, поезд не спеша пополз дальше на север. Он мог бы двигаться быстрее, однако в Уэльсе действует ограничение в семьдесят пять децибел на любой шум, производимый в промежутки восемь дней до и восемь дней после Зимы³.

– Давно вы уже зимуете? – спросил я, чтобы поддержать разговор.

³ Никто не может сказать точно, почему. Это как-то связано с днем Святого Давида. (Прим. автора.) День Святого Давида отмечается 1 марта; считается национальным праздником Уэльса. (Прим. переводчика.)

– Лета я не видела вот уже почти тридцать лет, – усмехнулась пожилая дама. – Прекрасно помню свое первое выступление: Хатрлпул, зима семьдесят шестого, театр Дона Гектора. Мы давали «Короля Лира» в поддержку братьев Хохмачей во время их первых и последних зимних гастролей. Зал был битком – почти три сотни зрителей. Такого я никогда прежде не видела, если не считать группы «Бонзо дог» и Вэла Дуникана, но, впрочем, они превратили зимние гастроли в свой фирменный знак, как сейчас поступают Пол Дэниелс и Take That ⁴.

Мало кто из летних актеров рискует бросить вызов холодам – Зима может оказаться суровым надзирателем. Хорошим примером тому служат валлийские гастроли 1974 года группы «Покажи папаше палку»: сначала музыкантов обложили в гостинице в Абериствите обезумевшие от Голода лунатики, затем они потеряли половину состава в ледяной буран. На протяжении последующих двух месяцев директора похитил с целью выкупа Нед Фарнесуорт по прозвищу Счастливчик, троим рабочим сцены пришлось ампутировать отмороженные ступни, а бас-гитариста, по слухам, забрал Зимний люд. И все-таки оставшиеся в живых члены группы считали эти гастроли самыми успешными в своей карьере.

– Никогда бы не подумала, как сильно может влиять на

⁴ Братья Хохмачи – популярный британский комедийный дуэт; «Бонзо дог», Вэл Дуникан, Пол Дэниелс, Take That – британские исполнители поп-музыки. (Прим. переводчика.)

психику тишина, – снова заговорила моя спутница, заставив меня очнуться от размышлений, – и как одиночество может причинять физическую боль. Как-то я семь недель подряд не видела ни единой живой души, застряв в театре Ледбери во время затянувшегося резкого похолодания семьдесят восьмого года. Морозы стояли такие, что казалось, будто к тебе прикоснулась сиськой Грымза, и четыре недели без перерыва мела метель. Даже Злодеи попрятались в своих логовах, а лунатики замерзали прямо на ходу. Во время оттепели окоченение удерживало их в вертикальном положении – падать они начали только тогда, когда оттаяли до лодыжек. Тем, кто не занят каким-либо делом, отсутствие человеческого общества может подорвать здоровье. – Она помолчала, прежде чем продолжить: – Но, знаете, как это ни странно, мне нравится. Очень полезно для того, чтобы получить... *ясность мыслей.*

Бывалые Зимовщики нередко выражают свои взгляды подобным образом: странная любовь к блеклым краскам и то, как благотворно влияет одиночество на глубокие философские размышления. Однако многие из тех, кто так горячо восхвалял прелести Зимы, в конце концов оставляли покаянные записки, раздевались догола и выходили на улицу в мороз. Это называлось «Холодным выходом».

– Кальмар, – ни с того ни с сего сказала миссис Тиффен, не переставая играть на бузуки. – Угощайтесь! – наверное, уже в двухсотый раз.

Возвращение из глубин зимней спячки всегда было сопряжено с риском. В том случае, если минимальные сигналы нервных окончаний, поддерживающие основные функции жизнедеятельности, прекращались, происходило разрушение нервной системы, и человек Умирал во сне. Если заканчивались запасы жира, разлагающегося в процессе обмена веществ в необходимые углеводы, человек Умирал во сне. Если температура опускалась слишком низко чересчур резко, человек Умирал во сне. Грызуны, поедающие живую плоть, нарастание концентрации углекислого газа, отложение солей кальция, проблемы со здоровьем до погружения в спячку или любое другое из десятка с лишним осложнений – Смерть во сне.

Однако не каждое разрушение нервной системы приводило к смерти. Некоторые, как миссис Тиффен, принявшая «морфенокс», – на самом деле это происходило *исключительно* с теми, кто принимал «морфенокс», – выходили из спячки, сохранив остатки рудиментарных воспоминаний, достаточные лишь для того, чтобы позволять им двигаться и есть. И хотя большинство людей видели в лунатиках жутких обитателей Зимы с отмершим головным мозгом, чьи пристрастия ограничивались бессмысленным бормотанием и каннибализмом, мы считали их существами, которые вернулись из бездны зимней спячки, оставив там практически всё. Как правило, их отлавливали до того, как пробуждались остальные, обыкновенно чтобы преобразовать или

разобрать, и все же время от времени попадались Отсутствующие, ускользнувшие из сетей. Билли Дефройд через три недели после Весеннего пробуждения нашел одного, зацепившегося за колючую проволоку на ограде фруктового сада неподалеку от приюта Святой Гренеты. Он доложил о нем властям, но только после того, как снял с него наручные часы, которые потом носил до самой своей смерти.

– Семь по вертикали, – сказала актриса, вынужденная повысить голос, чтобы перекрыть бузуки миссис Тиффен. – «Инструмент слесаря-сантехника».

– С кроссвордами у меня плохо, – крикнул я в ответ, затем добавил: – Надеюсь, бузуки не слишком действует вам на нервы?

Актриса улыбнулась.

– Нисколько. По крайней мере, она отгоняет разных болванов от нашего купе.

Она была права. Сегодня был Канун засыпания, последний полноценный день перед официальным началом Зимы. Поезд был полон Нафталинщиками и Зимовщиками, спешащими вернуться в свои Дормиториумы или к местам службы. К нам в купе заглянули несколько пассажиров, но, мельком увидев остекленевший взгляд миссис Тиффен, свойственный лунатикам, поспешно закрыли дверь и двинулись дальше.

– Если честно, Том Джонс мне нравится, – добавила пожилая леди. – А она умеет исполнять «Далилу» или «Она

женщина»?

– Было бы неплохо, – согласился я, – для разнообразия. Но нет, она играет только «Помоги себе сам».

–

Поезд шел вдоль замерзшей реки на север мимо Каstell-Коха, и сквозь клубящиеся облака белого пара от паровоза, проплывающие мимо окна, я видел повсюду свидетельства Зимнего отключения – закрытые и запертые ставни, машины, накрытые в несколько слоев пропитанным брезентом, паводковые запоры, смазанные и переведенные в автоматический режим. Все это было очень увлекательно и щекотало нервы. Мой первоначальный трепет в отношении зимовки быстро сменился отважным любопытством. Возможно, со временем придет и энтузиазм, но пока что я был настроен на более приземленную цель: просто выжить. Третью Послушников Службы зимних консулов не доживает до первой Весны.

– Значит, – спросила актриса, кивая на то, что осталось от миссис Тиффен, – ей дали прибежище? ⁵

– Муж, на пять лет.

Большинство тех, кому я говорил об этом, выражали свое негодование: но только не актриса.

– Должно быть, он очень ее любил.

⁵ Юридическим языком: «Отказ по каким-либо причинам задержать или выдать человека, находящегося в состоянии псевдосознательной вегетативной подвижности». (Здесь и далее, кроме спец. оговоренного – прим. автора.)

– Да, – согласился я, – он отдал все, чтобы ее защитить.

В то время как мистер Тиффен считал свою жену человеком с глубокими неврологическими проблемами, мы видели в ней только еще одну жертву Зимы. Игра на бузуки представляла собой всего лишь странность, рудиментарное воспоминание, сохранившееся в сознании, когда-то искрящемся особенностями характера и творческой энергией. Практически весь головной мозг миссис Тиффен исчез; оставалась только пустая черепная коробка.

С громким шипением и свистом поезд подкатил к вокзалу Аберсинона. Пассажиры двигались по платформе с достойным одобрения молчанием, что было вполне объяснимо: те, кто сейчас спешил к уютной усадле сна, слишком устали, чтобы праздновать, а у тех, кто собирался зимовать, в мыслях господствовали тревоги и заботы предстоящих одиноких шестнадцати недель. Слов почти не было; пассажиры выходили из вагонов и садились на поезд, и даже стук молоточка путевого обходчика, казалось, потерял свою обычную звонкость.

– Когда речь заходит о близких родственниках, суды, как правило, проявляют благосклонность, – тихим голосом заметила актриса. – Заметьте, прибежище – это прибежище.

– Суда не будет, – сказал я. – Ее муж умер – погиб с честью.

– На мой взгляд, лучшая смерть, – задумчиво произнесла женщина. – Надеюсь, со мной случится то же самое. Ну а вы?

У вас за плечами много Зим?

– Эта будет первой.

Она посмотрела на меня с таким изумлением и потрясением, что мне стало не по себе.

– *Первая Зима?* – повторила актриса. – И вас отправили отлавливать лунатиков в Двенадцатый сектор?

– Вообще-то, я не один, – возразил я, – нас...

– ...первую Зиму нужно проводить в помещении, проходя акклиматизацию и записывая свои впечатления, – продолжала она, не обращая на меня внимания. – Я потеряла слишком много зеленых новичков и знаю, о чем говорю. Как вас заставили? Вам угрожали?

– Нет.

В этом не было необходимости. Я вызвался добровольно, с радостью, восемь недель назад, во время праздника по случаю Обжорного четверга.

Обжорный четверг

«...Продолжительность зимней спячки у людей немного изменилась, в основном вследствие климатических условий и достижений в области сельского хозяйства. Принятая в 1775 году «Стандартная зима» ограничивается восемью неделями до и восемью неделями после зимнего солнцестояния. В промежуток между Засыпанием и Весенним пробуждением 99,99 процента населения проваливается в черную бездну сна...»
«Гибернационная культура человека», Моррис Дезмонд

Обжорный четверг уже давно считался первым днем обильного чревоугодия, когда приходила пора баловать себя всевозможными диетами, позволяющими быстро набрать жирок, и дать себе зарок воздерживаться от греха физических упражнений, быстро прогоняющих лишний вес. Еще вчера можно было бежать за автобусом, и никто даже глазом не повел бы; завтра же на такой поступок будут хмуро взирать как на чуть ли не преступную безответственность. На протяжении двух месяцев до Засыпания, знаменующего собой начало зимней спячки, каждая калория считалась священной; велась напряженная борьба за сохранение каждой унции веса. Весна радушно встречала только тех, кто позаботился о запасах жира.

Тощий Пит уже спит, голодный, кожа да кости.

Тощий Пит уже спит, а смерть спешит к нему в гости.

По своей работе в качестве помощника управляющего приюта я подчинялся обыкновенно сговорчивой и исполнительной сестре Зиготии, из чего следовало, что приготовления к празднеству Обжорного четверга ложились в основном на мои плечи. И хотя это создавало простор для критики в мой адрес, в то же время мне предоставлялась желанная возможность отдохнуть от нудной рутины хозяйственных забот в Приюте коллективных родителей Святой Гренеты ⁶. По сути, для Обжорного четверга требовались всего три вещи: обеспечить в достатке еду, обеспечить в достатке стулья и проследить за тем, чтобы сестра Плацентия не дорвалась до джина.

Первой пришла Меган Хьюс. Она провела в приюте двенадцать лет, прежде чем ее удочерила состоятельная чета из Бангора. Насколько мне было известно, она вышла замуж за какого-то большого шишку в империи «Традиционные чайные комнаты миссис Несбит» и теперь была одной из попечителей приюта Святой Гренеты: мы продавали компенсационные пособия за детей таким людям, как Меган, видевшим во всем, связанном с детьми, что-то нестерпимо гру-

⁶ Девиз: «Воспитанников должно быть как можно больше, и тогда не страшна никакая убыль».

бое и грязное ⁷. На самом деле была определенная доля иронии в том, что она работала в «Упкнасе» – Управлении контроля за населением, – следя за тем, чтобы *другие* женщины прилежно исполняли свои обязанности. Мы с Меган не делились уже пару лет, однако в прошлом она неизменно говорила мне, как восторгалась мной, когда мы вместе воспитывались в Приюте, и какие большие надежды я подавал.

– Кривой! – изображая возбуждение, воскликнула Меган. – Ты выглядишь *просто* восхитительно!

– Спасибо, но теперь я Чарли.

– Извини, *Чарли*. – Она помолчала, собираясь с мыслями. – Я постоянно вспоминаю тебя и Святую Гренету.

– До сих пор?

– Да. И, – добавила Меган, подавшись вперед, – знаешь что?

Ну вот, начинается.

– Что?

– Я всегда *так* восторгалась тобой, когда мы вместе воспитывались в Приюте! Ты всегда улыбался, как бы плохо тебе ни было. Настоящий вдохновитель.

– Мне не было плохо.

– Но у тебя был такой *вид*, будто тебе плохо!

– Внешность может быть обманчивой.

– Ну да, конечно, – согласилась Меган, – но я точно гово-

⁷ Компенсационные пособия считались «избеганием», а не «уклонением» от деторождения – отличие тонкое, но очень важное в юридическом плане.

рю: от тебя исходило какое-то трагическое вдохновение, как будто ты в семье неудачник, но стремишься во всем видеть светлые стороны.

– Мне приятно это слышать, – сказал я, давным-давно привыкший к ее выходкам, – но могло бы быть гораздо хуже. я мог бы родиться без такта и сострадания и быть мелочным, жутко снисходительным и заикленным на себе.

– Тоже верно, – улыбнулась она, беря меня за руку. – Нам с тобой так повезло! Я тебе говорила, что получила повышение в «Упкнасе»? Тридцать четыре тысячи плюс машина и жилье.

– У меня с плеч свалилась огромная ноша, – сказал я.

Меган просияла.

– Ты просто прелесть! Ладно, мне пора бежать. Пока, Кривой.

– Чарли.

– Верно. Чарли. Вдохновитель.

И она двинулась дальше по коридору. Было бы так легко проникнуться к ней сильной неприязнью, но я, если честно, не испытывал к ней вообще никаких чувств.

Следующей из тех, на кого я обратил внимание, пришла Люси Нэпп. Мы с ней ежедневно виделись на протяжении восемнадцати лет, пока она не покинула приют и не поступила в училище «Зимних технологий». В приюте дружба возникает и угасает, но мы с Люси постоянно оставались близ-

ки. Все те шесть лет, прошедших после того, как она покинула приют, мы с ней разговаривали по крайней мере раз в месяц.

– Привет! – сказал я, и мы ударили кулаком по кулаку – это было что-то вроде тайного приветствия, существовавшего с незапамятных времен.

Это по нашей с Люси вине на лице Святой Анестезии, украшающем фриз под сводом, до сих пор красовалось засохшее пятно от пирога с карамелью, напоминание о незабвенной потасовке из-за ужина, случившейся в девяносто шестом году. В штукатурке даже зияла выбоина в том месте, где Донна Тринкет, решительно настроенная побить рекорд времени проезда по коридору первого этажа на роликовых коньках, налетела на стену из-за лужи кетчупа, беспечно пролитого на пол кем-то с кухни.

– Так что там насчет твоего перехода в «Зиму без страха»? – спросила Люси, как мне показалось, с оттенком дружелюбной насмешки.

– Все, что угодно, лишь бы выбраться из этой дыры, – ответил я. – Но я вовсе не хочу сказать, что могу только продавать Зимние страховки с дополнительной выплатой на преобразование и обязательной выплатой на трансплантацию. Есть еще полное страхование жизни, с медицинским обслуживанием, включая зубоврачебную помощь, страхование от пожара и несчастных случаев, не говоря про обморожения. Ну что думаешь?

– С трудом могу сдержать свое безразличие.

– Сам я чувствую то же самое, но, понимаешь, «морфенокс»...

Первые десять лет мне предстоит работать за минимальное жалованье, но дело того стоит. Конечно, главное тут не сама работа, скучная, словно талая вода, а разные сопутствующие льготы: «Без страха» незамедлительно заберет из Святой Гренеты мои права на «морфенокс». И я смогу в буквальном смысле спокойно спать. Да, придется смириться со строгими контрактными обязательствами, невозможностью сменить работу и отсутствием свободы выбора, но зато карьерный рост не потребует существенных мозговых усилий. Я наконец смогу вырваться отсюда, полностью сохранив свои фармацевтические привилегии.

– Эй, – сказал я, – ты слышала, что Эд Дуизл сплясал «ночной фанданго»? ⁸

– Да, – подтвердила Люси, – слышала.

У Дуизла вечно были проблемы с тем, чтобы набрать вес. Мы всегда тайком его подкармливали. Не знаю, как ему удалось самостоятельно продержаться три Зимы после того, как он покинул приют Святой Гренеты, но, должно быть, это дорого ему обошлось. Несмотря на то что в четвертую зиму Дуизл по уши накачался «морфеноксом», в спячку он залег

⁸ Жаргонное выражение, означающее «стать лунатиком». Схожие выражения: «скорлупа», «капуста», «мертвоголовый» и «шлак». Более вежливым является слово «вернувшийся», но, строго говоря, такой человек находится в псевдосознательном состоянии вегетативной подвижности.

слишком худым, и запасы жира у него иссякли примерно за три недели до Весеннего пробуждения. Он стал лунатиком, затем его преобразовали куда-то на север подметать улицы, а через восемь месяцев разделили.

– «Полезно до самой смерти и после нее», – сказала Люси, – как любит повторять на рекламных плакатах компания.

Она имела в виду компанию «Зимние технологии», которая выпускала «морфенокс», а также преобразовывала всех подходящих лунатиков и изучала их потенциал по части трансплантаций. Политика компании в отношении лунатиков была направлена в первую очередь на общедоступность. Был у нее еще один рекламный лозунг:

Использовать можно все, кроме зевка. TM

Мы с Люси прошли в вестибюль Зеленого зала.

– Мне всегда как-то не по себе от встреч бывших воспитанников Приюта, – сказала она. – В целом неплохо, но нравятся мне далеко не все.

– Грубое и гладкое, – заметил я.

– Дерьмо и святые, – уточнила Люси.

Мы смешались с толпой, пожимая руки или кивая другим приглашенным, в строгом соответствии с постоянно меняющейся шкалой уважения и признательности. Уильямс, Уолтер, Кейли, Нил, другой Уильямс и Макмаллен – все они были здесь. Я собирался сказать пару слов Гэри Финдли, но

тот, увидев меня, сразу же отвернулся, сделав вид, будто хочет налить себе еще пива из кулера. Мы с ним не обменялись ни словом с тех пор, как нам было по двенадцать лет, с того самого дня, когда он прекратил издеваться надо мной, с того самого дня, когда я откусил ему ухо ⁹.

Те, кто уже давно покинул стены приюта – по большей части я их не знал, – свободно общались с нами, как и мы сами свободно общались с нынешними воспитанниками. Всех тех, кто провел какое-то время в приюте, объединяли прочные узы, похожие на родственные. На самом деле, если учесть обстоятельства жизни здесь, мы действительно были одной большой семьей.

Люси направилась поздороваться со Старшими сестрами, которые в центре всеобщего внимания величественно восседали на сцене подобно семерым герцогиням, приветствуя гостей. Сестры глупо хихикали над какой-то шуткой; их обычная строгость смягчалась тройным праздником важного события, еды, а для тех, кто не вынашивал ребенка, еще и хереса, самого дешевого, какой только можно найти.

– Наша самая что ни на есть собственная Люси Нэпп, – сказала сестра Плацентия, когда мы приблизились к сцене, обнимая Люси, а на меня обращая внимания не больше, чем на знакомый предмет мебели. – Скажи что-нибудь хорошее.

Люси вежливо рассказала сестрам, что ее перевели в

⁹ Если вам интересно, оно оказалось на вкус соленым и отделилось на удивление легко.

систему быстрого отслеживания лунатиков компании «Гиббер-тех», а я молча стоял рядом. Несмотря на свои причуды, сестры в целом были неплохими. Без них я бы не выжил – младенцев, находящихся в гораздо более плачевном состоянии, чем я, регулярно оставляли недокормленными к началу их первой Зимы. Так что были приюты и похуже этого.

– *Очаровательно*, дорогая, – сказала сестра Плацентия, когда Люси завершила краткий рассказ о том, что с ней случилось. – И каковы шансы, что ты сможешь выделить нам для работы на кухне Эдварда?

– В следующем году работа системы будет совершенствоваться, – сдержанно ответила Люси. – И тогда я посмотрю, что можно будет сделать.

Эдвардами и Джейн назывались преобразованные лунатики. После того как их избавляют своевременными перекусами от склонности к людоедству и кропотливо собирают воедино разрозненные клочки их сознания, они могут выполнять простую работу. Некоторые считают, слишком простую, чтобы их можно было использовать в домашнем хозяйстве. В Приюте Святой Гренеты в Порт-Толботе был Эдвард, умеющий мыть посуду ¹⁰, но по большей части их использовали строго для одинаковых повторяющихся действий, таких как открывание дверей, накачивание воды и копка огорода.

¹⁰ Но только тарелки, блюда, кастрюли, сковородки и столовые приборы. Чашки, кружки и стаканы остаются для него чем-то слишком сложным.

– Как дела, Кривой? – раздался мне прямо в ухо голос, настолько внезапно, что я вздрогнул.

Это была сестра Зиготия, которую я любил больше всех, несмотря на – а может быть, как раз вследствие ее эксцентричности. Она обожала арахисовое масло с анчоусами, на зиму заколачивала дверь в свою спальню, «чтобы защититься от рыщущего Зимнего люда», а также требовала, чтобы в пудинг добавляли кусочки острого перца, «чтобы подготовить нас к разочарованиям, которые неизбежно встречаются в жизни».

– Да так, – ответил я. – Бюджет на следующий год туговат, но все будет в порядке, если только компенсационные выплаты не урежут и мясо мы будем есть не чаще двух раз в неделю.

– Хорошо, хорошо, – рассеянно промолвила сестра Зиготия и, положив руку мне на плечо, повела в дальний угол. – Послушай, мне не хотелось тебя огорчать, но у меня плохие новости. Ты должен знать, что мать Фаллопия, прослышав о том, что ты подал документы в «Зиму без страха»... в общем, она переговорила с тамошним кадровиком, и твое заявление... отклонили.

Если честно, я не удивился, но все равно было неприятно. Чувство разочарования имеет собственный запах, чем-то похожий на аромат ириски, смешанной с высушенной на солнце грязью. Я поднял взгляд на сестру Зиготию. Та пробормотала, что очень сожалеет, и я заверил ее, что все в

порядке. От дальнейшего меня избавила просьба разобраться с сестрой Зачатией, которая чересчур рьяно взялась за свои обязанности вышибалы у двери. Сестра Зачатия любит пособачиться, поэтому потребовалось не меньше десяти минут, чтобы ее усмирить, подмести с пола выбитые зубы, успокоить тех шестерых, кого она только что выставила вон, и заклеить ей рассеченную бровь. Когда я вернулся, Люси Нэпп рассказывала всем о своей первой зимовке в штате «Гибер-теха», особо подчеркнув то, что своими собственными глазами видела зимнее солнцестояние. В доказательство этого она показала одинокую бронзовую звездочку, приколотую к блузке.

– Ты впадала в ступор от бессонницы? – спросил я, задвигая досаду в дальний угол сознания, где ее уже ждала теплая компания аналогичных чувств.

Всем было известно, с какими опасностями сталкиваются те, кому впервые приходится не спать всю зиму.

– После того как цикл сна сдвинулся на весну, стало довольно терпимо, – сказала Люси, – но первый год был очень жестоким. Единственным плюсом является то, что в то время, пока ты замерзаешь до смерти, пока тебя пожирают или заставляют заниматься домашней работой, ты можешь воображать, будто нежишься на пляже на полуострове Говер, потягивая дайкири с банановым ароматом ¹¹ и наблюдая за тем,

¹¹ Одна чайная ложка «Несквик»-банан, в равных частях ром и ячменный отвар с лимонным соком «Робинсон».

как солнце заходит за гриль-бар «Голова червяка».

Среди выпускников приюта были и другие Зимовщики – просто Люси устроилась на эту работу совсем недавно. Три года назад Билли Дефройда призвали в Службу зимних консулов, и все восторгались им до тех пор, пока его не сожрали с потрохами лунатики, бродящие стаями в Лландейло. Ему повезло больше, чем многим другим. Средняя продолжительность жизни Консула-послушника в первую зиму, когда приходится «ступить в сугроб», составляет чуть больше месяца. Зима – суровая пора; неудивительно, что первую свою Зиму новички проводят в четырех стенах, перебирая бумаги.

– Итак, Люси, – сказал я, – Расскажи нам про ступор.

– Ну начнем с того, что это требует очень большого... напряжения, – сказала Люси. – Мне казалось, что ноги у меня из пластилина. Чем сильнее холодало, тем более хрупкими они становились. Я боялась, что, если появится лунатик, я не смогу от него убежать.

– У меня бывали подобные кошмарные сны, – призналась Мейзи Роджерс, которой довелось не спать Зимой. – Будто я бегу, но не могу спастись.

Сны. У тех, кто представлял из себя хоть что-то, никаких снов *не было*. Те из нас, у кого был доступ к «морфенксу», с радостью променивали свою подсознательную зимнюю активность на резкое снижение потребностей в запасенной энергии и крайне полезную предсказуемую потерю ве-

са. Впервые за всю историю человек мог *реально* надеяться на то, что доживет до Весны, а не смотреть на каждое новое время года как на непредвиденный дар. Как гласил еще один рекламный лозунг: «Морфенокс» приносит Весну». К этому следовало бы добавить: «но только если у вас есть деньги или общественное положение, чтобы им пользоваться».

– Но только не надо бахвалиться своими чертовыми сновидениями, – с укором заметила присоединившаяся к нам Меган.

Мы согласно закивали. Большинство тех, кто вынужден отказываться от фармацевтических средств помощи пережить Зиму, предпочитает об этом не распространяться. Это все равно что ходить в бейсболке, на которой большими буквами написано: «Гражданин 3-го сорта».

Но Мейзи, к ее чести, нисколько не смутилась.

– Мне нечего стыдиться, – гневно воскликнула она, – и не надо меня ни в чем обвинять! К тому же Сны – это здорово, и они не повторяются, и по крайней мере так я никогда не стану лунатиком, который всю Зиму вынужден бродить по земле, питаясь жуками, тряпками, людьми и прочим, а дни свои закончит в клинике по пересадке органов.

– Если ты станешь Отсутствующим, то сам этого не поймешь, – заметил я. – В этом и трагедия, и благословение – нет мозгов, нет и угрызений совести.

Неизбежно у «морфенокса» имелись и свои отрицательные стороны: невыносимая головная боль, жуткие галлюци-

нации, – недаром на каждые две тысячи тех, кто пользовался препаратом, приходился один, который пробуждался после зимней спячки лунатиком. Именно те самые пятьдесят процентов граждан, кто допускался пользоваться «морфеноксом», могли в конечном счете превратиться в пускающих слюни недолюдей с серьезными проблемами по части личной гигиены и пугающей склонностью к канныбализму. И тем не менее никто не сомневался в том, что на такой риск можно пойти.

Внезапно в зале наступило оживление: принесли еду. Мы встали в дисциплинированную очередь за ней, и в радостном предвкушении громкость разговоров нарастала. В ожидании того, когда накормят сестер, детей и слишком худых, мы болтали о той бредовой идее, которую проталкивал светским модницам самозванный светило проблем сна Гэйр Бриллс, а также, неизбежно, кто победит в конкурсе «Не перевелись еще таланты в Альбионе».

– Спать на дереве, укутавшись в дерюгу и вымазавшись гусяным жиром, при минимальном индексе массы тела, – сказала Люси, отвечая на вопрос про Гэйра Бриллса. – Всю Зиму неформалы будут градом сыпаться с веток.

Что же касается конкурса «Не перевелись еще таланты в Альбионе», все терялись в догадках после того, как в прошлом году победу совершенно неожиданно одержал Берти (такса с торчащими изо рта передними зубами), умеющий танцевать чечетку; поэтому разговор вскоре перешел на те-

му, которая в настоящий момент была во всех новостях: внезапное резкое увеличение зимней смертности. Для сокращения потерь умеренные предлагали пропаганду воспроизводства потомства и финансовое стимулирование, в то время как сторонники жесткого курса выступали за публичное поспрамление бесплодных, снятие всех ограничений по вынашиванию детей и полную отмену выплат Детских компенсаций. Хотя, несмотря на убыль в зимний период, численность населения оставалась стабильной, периодические провалы в демографической ситуации по-прежнему вызывали панику, а правые радикалы стремились раздуть любые страхи.

– Я слышала, что снижение минимального детородного возраста одним махом разрубит проблему убыли, – сказала Меган.

– Для этого потребуется пересмотреть определение понятия «ребенок», – заметила Люси, – а я сомневаюсь, что это желательно или возможно.

– Всегда можно довести соотношение полов до семидесяти к тридцати, – предложил я.

– Подправлять цифры – это *крайне* плохая затея, – вмешалась Люси. – У меня и так хватает проблем с поиском достоверных данных.

– А я говорю, нужно заморозить щедрые государственные субсидии в адрес «Гибер-теха», – тоном пламенной революционерки заявила Мейзи, – и вместо того чтобы разрешать «морфенокс» немногим избранным, разработать действен-

ную стратегию, обеспечивающую то, что *каждый* гражданин к следующему Засыпанию смог бы набрать минимальный допустимый индекс массы тела. В вопросах зимней спячки нельзя поддерживать только одну элиту, нужно добиваться Равного сна для всех – это справедливо, это позволит повысить выживаемость и уменьшить убыль и в конечном счете освободиться от бремени деторождения.

Мы испуганно притихли. Это была основная доктрина влиятельной в прошлом группы «Кампания за истинный сон», которая когда-то считалась уважаемой оппозицией, но уже давно заняла радикальные позиции и была объявлена вне закона. Группа выступала за то, что единственным настоящим сном является сон естественный, что фармакологические попытки решить проблему убыли неприемлемы в моральном и финансовом планах и что люди должны стремиться к долгосрочному здоровью ¹². В настоящее время только очень мужественный или очень глупый человек мог публично высказывать подобные взгляды или даже просто заводить разговор на эту тему. На первый взгляд Мейзи была скорее мужественной, чем глупой.

– Субсидии расходуются в основном на исследования, направленные на то, что когда-нибудь *вся* Зимняя спячка окажется под защитным покровом «морфенокса», – с жаром возразила Люси. – Дон Гектор был гением, но даже у него имелись свои ограничения – мы к этому еще придем.

¹² Неофициальный девиз «Истинного сна» гласил: «Пусть сбудутся сны».

– Мы знаем только то, что нам говорят твои дружки из «Гибер-тех», – ответила Мейзи. – Это механизм общественных уступок. Дон Гектор не сделал нас свободными, он лишь ввел классовые различия между хорошим сном и плохим сном. А нам нужно зимовать в одной глобальной деревне, равными в сне, равными в достоинстве.

Кто-то ахнул. Это было программное заявление «Кампании за истинный сон», своеобразный призыв к сплочению.

– Лучше воздержаться от подобных разговоров, – сказала Люси, внезапно становясь гораздо *более* серьезной. – У меня могут быть большие неприятности, если я не донесу на тебя. А Дон Гектор был великим человеком, спасшим миллионы благодаря «морфеноксу».

– Мой гибернаторолог говорил, что уже на подходе новый препарат, – сказала Меган. – «Морфенокс-Б». Это еще что такое?

– А я слышал что-то про проект «Лазарь», – подхватил я, позволяя любопытству взять верх над благоразумием.

– Если бы все слухи про «Гибер-тех» можно было пустить на колесо водяной мельницы, – после неловкой паузы сказала Люси, – этого хватило бы, чтобы перемолоть всю пшеницу в Уэльсе.

– Ты не ответила на вопрос Меган, – строго заметила Мейзи.

Люси и Мейзи враждебно переглянулись, и у Люси задержалось веко. Люси мне очень нравилась, но она была до кон-

ца преданным сотрудником «Гибер-тех». Наверное, это качество являлось обязательным при приеме на работу.

– Я не обязана отвечать на вопрос Меган, – медленно и раздельно произнесла Люси.

Эту стычку прервало какое-то оживление у двери. Собравшиеся расступались, освобождая кому-то дорогу, и это могло означать одно из двух: какая-то знаменитость или кто-то важный. Или, как оказалось на самом деле, и то и другое.

Новоприбывших было двое, они шли, любезно беседуя друг с другом. Одной была мать Фаллопия, высокая, изящная, строгая, в рясе настолько черной, что она казалась дырой в воздухе, имеющей силуэт монахини. Ее спутником был высокий мужчина в белом маскхалате Зимних консулов. На лацкане у него сияла Золотая звезда Солнцестояния, свидетельство того, что он повидал по меньшей мере двадцать Зим. В кобурах висели две «Колотушки» с рукоятками из орехового дерева. Смуглый, высокого роста, с привлекательной внешностью героя-любownika, он всем своим видом излучал строгое достоинство. Также мужчина обладал некоторым внешним сходством с Эйаной, Сианой, Мейзи, Дафной, Билли и Эдом Дуизлом – но на то имелась веская причина.

– Ого! – пробормотала Люси, не скрывая своего восторга, как и все мы – пожалуй, как и все присутствующие в зале. – Это же... Джек Логан!

Джек Логан

«...из всех Зимних служб самой опасной была Служба зимних консулов. Лишь немногие из тех, кто поступал в нее, могли рассчитывать на то, чтобы продержаться десять лет, однако проблем с набором новобранцев никогда не возникало. Как говорится, «не человек искал работу, а работа искала человека». Среди тех, кто поступал на службу добровольно, не было таких, кто не хотел оставить все в прошлом...»

«Двадцать семь солнцестояний и дальше», Зимний консул Макдоузер по прозвищу «Скала»

Большинство Консулов вне зимнего периода стремятся только к тому, чтобы на них не обращали внимания, однако кое-кто по тем или иным причинам жаждет славы. «Дикая кошка» де-Лют из Девятого сектора прославилась своим умением ловить лунатиков живьем – их у нее на счету было четыреста шестьдесят два, отправленных в центры преобразования, маловероятно, что этот рекорд будет когда-либо побит; «Пахучий» Шнайдер из Девятнадцатого сектора попирает все правила общественного приличия, вне службы живя вместе с Зимней кочевницей, а Старший консул Токката из Двенадцатого сектора подозревалась в пристрастии к зимнему каннибализму в масштабах, выходящих за рамки пристойного и уж тем более необходимого.

По сравнению с ними Джек Логан представлял собой парадное лицо Службы консулов. Конечно, ходили слухи о его излишнем рвении и стремлении извлекать коммерческую выгоду из своего служебного положения, однако по-служной список Логана заглушал все подобные пересуды. В объединенном районе Ньюпорт-Порт-Толбот-Кардифф уже длительное время были самые низкие во всем Уэльсе показатели убыли, аварий в «Чугунках», нашествия Злодеев и бесчинств, творимых лунатиками. А в физическом плане Логан был Самцом первого уровня – поговаривали, что он мог бы заламывать умопомрачительные гонорары за оплодотворение, но, к своей чести, не делал этого.

Идя по залу, Логан приветственно кивал направо и налево, мельком задерживаясь взглядом на ком-либо из присутствующих, и ставил автографы на протянутых ему клочках бумаги. Мы знали, что Джек Логан уже давно является покровителем Приюта Святой Гренеты, однако он редко появлялся на общественных мероприятиях.

После того как первое возбуждение улеглось, мы, отстояв очередь, набрали кукурузных початков, с которых капало сливочное масло, затем положили риса с курицей. Порции были большие. Все выглядело чересчур расточительным.

– Что здесь делает Джек Логан? – спросил Брайан, который стоял за стойкой буфета, раздавая еду. – Насколько я понимаю, такое бывает нечасто.

– Он вручает матери Фаллопии двенадцатого Серебряно-

го аиста, – сказал Гэри Финдли, стоявший в очереди в трех людях за нами.

– Она того заслужила, – заметил Брайан.

Сам он был у достопочтенной сестры пятым Серебряным аистом, а Гэри и Люси – совместным восемнадцатым. Сестринская община Непрерывной беременности относилась к своим обетам серьезно. Рекорд принадлежал сестре Вульволии из Пятьдесят первого сектора с тридцатью четырьмя аистами. Все, кроме девятерых, пережили первую Зиму, и все были от разных отцов – но, впрочем, у сестры Вульволии был верный глаз ¹³, и она серьезно подходила к вопросу необходимости генетического разнообразия.

– Гм, – сказала Люси, беря куриную ножку, – как вы полагаете, Логан будет сегодня выступать?

Вполне возможно. Нередко военные и сотрудники правоохранительных органов в качестве прибыльной подработки воплощали на сцене свои Зимние подвиги. Представления, которые устраивал Логан, были рассчитаны на искушенного зрителя. В них использовались имитация снега и машины, создающие ветер. Как-то раз он выпустил на сцену настоящего живого лунатика, но представление пришлось прекратить после того, как лунатик вырвался и, пробравшись в партер, покусал сидевших там зрителей. Трагическое происшествие, хотя если бы пострадали зрители галерки, думаю, ни-

¹³ По слухам, она частенько подходила к приглянувшимся ей мужчинам прямо в торговых центрах и кинотеатрах, но я не могу сказать, правда это или нет.

кто бы не придал этому значения.

Набив себе животы и вытерев пальцы и губы салфетками, мы уселись и стали готовиться к таким же объемам пудинга через час, за которыми через два часа последуют пряники и сахарная вата. Считалось, что те, кто не поглотил порцию калорий, по крайней мере впятеро превышающую норму, подошли к «накоплению жирка» несерьезно.

Мы стали болтать, рассказывая друг другу о том, что произошло с момента последней встречи. Как дела у бывших воспитанников, кто умер, затем долгая череда «а помните, однажды...». По прошествии времени все это казалось уже не таким страшным и даже занятным: случай с Донной Тринкет – неувядаемый хит, или то, как Бетти Симкокс едва не погребли живьем в ходе прикола, пошедшего наперекосяк, или то, как Джоплин подожгла себя ради прикола, на удивление получившегося удачным, чего никто не предполагал, – и, наконец, как обычно, о том, как Дэй Пауэлл исчез в день своего шестнадцатилетия, а возвратился в день двадцатилетия, и никто так и не узнал, где он пропадал все это время.

– Дэй до сих пор сам понятия не имеет, – сказала Люси. – Я спрашивала у него не далее как на прошлой неделе.

– Я так думаю, Злодеи его похитили и заставили прислуживать, – предположила Меган, – а ему стыдно в этом признаться.

После того как был поглощен пудинг с яблочным вареньем, приправленный примерно двумя галлонами заварного

крема ¹⁴, мать Фаллопия произнесла речь. Это был все тот же самый мусор насчет Обжорного четверга, который мы уже слышали, и не один раз: как мы по мере приближения Зимы должны броситься в объятия обжорства и бездеятельности, памятуя о тех, кто не пережил прошлую Зиму из-за пренебрежительного отношения к своему весу, и о женщинах, которым надо думать о поступлении в общину сестер, и о мужчинах, которым необходимо делать все возможное, чтобы быть плодотворным членом общества, ежедневно восхваляя принцессу Гвендолин, и хранить верность Уэльсу и Северной Федерации, – и так далее и тому подобное. Затем настоятельница объявила о том, что уходит от дел вследствие снижения способности к воспроизводству потомства и передает бразды правления Приютом Святой Гренеты в твердые руки сестры Плацентии, что было встречено несмелыми аплодисментами, а кое-где в задних рядах и стонами.

Затем произнес речь Старший консул сектора Логан, о том, как община сестер прилагает все силы для предотвращения угрозы Зимней убыли, поблагодарил мать Фаллопию за ее многочисленные роды и мудрое и чуткое руководство Приютом Святой Гренеты, поздравил сестру Плацентию с новой ответственной должностью, после чего повторил многое из сказанного матерью Фаллопией. Закончил свою речь Логан короткой скороговоркой, которая в тот момент показала совершенно не к месту:

¹⁴ На всех, а не на каждого, хотя ощущение было именно таким.

*Чтобы проводить пригожего прохожего
из ледяного Лланбойдана с кру2жками и стружками
в Чизуик пока Крюгерс и Люгерс палят из пушки по по-
душкам*

*этого хватит чтобы сделать мамонта из одного грамма
грамоты*

и наполнить литую кастрюлю кипятком из Ливерпуля.

Переглянувшись, мы дружно пожали плечами, затем при-
лежно захлопали, когда Логан вручил матери Фаллопии по-
лагающегося Серебряного аиста. После чего мы вернулись
к столу и мятному печеню размером с блюда, подносам с
сыром и тому, что оставалось в чужих тарелках. Традицион-
но в Обжорный четверг не было ничего даже отдаленно на-
поминающего мытье посуды.

К нам присоединилось несколько бывших воспитанников,
и завязался разговор, точнее, говорили они, а я слушал, все
еще не в силах собраться с мыслями. Сотрудница крими-
налистической лаборатории рассказала о том, как исследует
рисунок брызг, оставленных в ходе поспешной неряшливой
еды во время незаконного проникновения в кладовки и кра-
жи съестного.

– Виной всему этому неизменно голод, поэтому еда погло-
щается прямо на месте, – объяснила она, – а в такой спешке
следить за аккуратностью крайне трудно.

Она рассказала про ограбление кладовой в Дормиториуме «Кэри Грант»¹⁵. В тот момент Дормиториум не охранялся, поскольку его пришлось закрыть после отключения реактора, однако и тогда, и сейчас кража съестного оставалась преступлением, караемым Замораживанием. Многие винили в случившемся Злодеев, однако власти решили, что это «Кампания за истинный сон» попыталась накопить достаточно припасов, чтобы действовать на протяжении всей Зимы¹⁶. Никто в здравом уме в это не верил, и Кики, номинальная глава «Истинного сна», назвала заключение «совершенно вздорным».

– Говорят, сами легавые воровали еду, чтобы выйти на Кики, когда та начнет все отрицать, – сказал кто-то, не помню уже, кто.

– Кстати, а кто такая эта Кики? – спросил я.

– Глава «Истинного сна», – ответила Меган.

– Это я знаю. Не *что*, а *кто*.

– Этого никто не знает, – пожала плечами Люси. – Это не человек, это просто пост. Если убрать Кики, ее место займет вице-Кики.

Это бесспорно было правдой, поскольку везде действовал

¹⁵ Грант, Кэри (наст. имя Арчибальд Александр Лич) (1904–1986) – американский актер британского происхождения, самый романтичный из голливудских супергероев, ставший воплощением остроумия, мужества и лоска для многих американцев 30–50-х годов. (*Прим. переводчика.*)

¹⁶ Для того чтобы бодрствовать на протяжении всей Зимы, требуются полная кладовая, большое везение, теплая одежда и несколько десятков хороших книг.

принцип Гидры, от королевских семей и Зимних консулов до военных и прислуги в «Чайных комнатах миссис Несбит». Уберешь одного, а у него за спиной уже ждет следующий. Тем не менее «Истинный сон» в последнее время попритих, и все же, как и в случае с действующим, но в настоящий момент спящим вулканом на острове Скай, никто не мог сказать, плохо это или хорошо.

Увидев, что сгущающиеся сумерки принесли в зал темноту, я оставил компанию беседовать, а сам стал собирать детей, чтобы те начинали наводить порядок и выносить настольные игры и кальяны. Сестра Плацентия за игрой в «скраббл»¹⁷ любила попыхивать кальяном, наполненным малиновой водой, а сестра Зачатия предпочитала неагрессивную разновидность шахмат, в которой нельзя брать чужие фигуры. Сестре Зиготии больше всего нравилась шумная игра «Голодные гиппопотамы». Каждому свое. Но, выполняя поручение сестры Плацентии и проходя мимо кабинета матери Фаллопии, я обратил внимание на людей, сидящих на скамейке перед дверью. Я спросил, в чем дело, и Уильямс, моргая по-совиному, сказал, что Логан проводит открытое собеседование на предмет приема в Зимние консулы.

– *Открытое* собеседование? Без предварительного отбора?

– Похоже на то. Он потерял своего Послушника и ищет

¹⁷ «Скраббл» – игра в слова, суть которой заключается в составлении слов на доске в клетку по правилам кроссворда. (Прим. переводчика.)

ему замену.

Я задумался. Точнее, я нисколько не раздумывал. Я просто попросил Уильямса подвинуться и сел на скамейку. У меня гулко колотилось сердце, и на то имелась причина: служба в Зимних консулах опасна – говорили, это мало чем отличается от самоубийства, – но зато она открывает доступ к «морфеноксу»¹⁸.

– И когда ты впервые задумался о карьере Зимой? – спросил Уильямс, на которого напала болтливость.

– О, восемь секунд назад, – ответил я.

Для 99,99 процента граждан, впадающих в спячку, Зима является абстрактным понятием. Заснуть и проснуться через четыре месяца – хотелось на это надеяться.

Осень пришла, и спать я бегу.
Спячку я эту терпеть не могу!
Есть, как свинья, храпеть, как сурок:
Мертвый, живой – какой в этом прок?

Помимо тех, кто работал в системе Трансплантаций и *должен был* бросать вызов Зиме, мало кто осмеливался встретиться лицом к лицу с холодом, грызунами, Злодеями, одиночеством и Зимним человеком. Однако, поскольку моя абсолютно безрадостная должность управляющего приюта не имела никаких перспектив, а найти работу без специальной

¹⁸ Разумеется, они пользуются препаратом не Зимой, а когда спят – в конце Лета.

подготовки, дающую право на «морфенокс», было практически невозможно, мысль о зимовке внезапно показалась мне весьма привлекательной.

— Как насчет службы Зимним консулом? — спросил Уильямс. — Ты уже давно мечтал о такой?

— О, долгие годы.

На самом деле, учитывая сопряженные с этой службой опасности и обыкновенно крайне жесткий процесс отбора, *никогда*. Я сидел на скамейке, стараясь сохранить спокойствие и гадая о том, что сказать. Собеседования продолжались примерно по десять минут, и на каждого соискателя, вышедшего с вытянутым лицом, обрушивался шквал вопросов со стороны ожидающих своей очереди. На все вопросы неудачники отвечали недоуменными пожатиями плечами, добавляя, что им отказали. Никто понятия не имел, что именно ищет Логан.

После того как Уильямс вошел с воодушевленным видом, а вышел раздавленный, наступил мой черед.

Испытание

«...Гибернационная бессонница, или Зимсонница, имеет различные причины: кому-то заболевание или травматическое расстройство гипоталамуса не позволяет погрузиться в спячку полностью или хотя бы частично, у других виной всему гипнофобия или врожденная склонность к накоплению солей кальция или потере мышечной массы. Большинство тех, кто не впадает в спячку, стремятся найти себе какое-нибудь полезное применение зимой, но некоторые, так называемые «незаслуженно бодрствующие», предпочитают бездельничать, полагаясь на чужие кладовые...»

«Введение в психологию зимней спячки», XXII издание

Мать Фаллопия и Логан находились у нее в кабинете, маленьком, строго обставленном помещении, в котором пахло мебельным лаком, кофе и краской для ксерокса. Посреди кабинета стоял большой письменный стол из темного дерева, но в остальном обстановка состояла из шкафов с документами и фотографий младенцев на стенах. Когда я бывал здесь, мне всегда становилось несколько не по себе, и не только из-за хозяйки кабинета и ее пронизывающего насквозь взгляда, красноречиво гласящего «чем ты заслужил свое существование»: на стенах висели фотографии тех детей, кто не пережил первую или вторую Зиму. Мы никак не могли взять

в толк, то ли это память, то ли приглашение сестрам лучше производить потомство; а может быть, матери Фаллопии просто нравились фотографии детей, а все остальное ее не волновало.

– У тебя есть направление? – спросила мать Фаллопия.

– Нет, – ответил я, – но я слышал, что прошение на службу в Зимних консулах может подать любой.

– У тебя уже есть работа, – произнесла мать Фаллопия голосом, словно прошедшим сквозь оцинкованные трубы, – и другая тебе не нужна. И, поверь мне, ты не продержишься в Консулах и десяти минут.

Должен признаться, что я испытал непреодолимое желание принести глубочайшие извинения и удалиться, но, к своей чести, не сделал этого.

– Я Чарли Уортинг, – дрогнувшим голосом промолвил я. – Мне бы хотелось, чтобы мою просьбу рассмотрели.

– Двигаемся дальше, – сказала мать Фаллопия. – В этом случае мы только напрасно тратим время.

– Нет, Пруденс, – сказал Логан, и я впервые услышал, как матери Фаллопии возразили, а также как к ней обратились по имени. – Мы выслушаем всех желающих. – Он повернулся ко мне. – Стандартный процесс отбора очень муторный, – объяснил он, – однако далеко не идеальный. И я хочу найти зарытые алмазы, пропущенные при предварительном отборе. Я уже присматривался к тебе, Уортинг. Ты один из моих?

– Нет, сэр. Я... меня вынашивала суррогатная мать, но

начались осложнения.

– Из-за твоей головы?

– Да, из-за моей головы ¹⁹. Меня перевели в приют Святой Гренеты, выплатив только половину страховки. Остальное в качестве компенсации получили мои биологические родители.

– Страховка Уортинга давно закончилась, – вставила мать Фаллопия, – и теперь он живет за счет нашей любезности.

– Не согласен, – заявил Логан. – Все это осталось в прошлом. В настоящий момент он кандидат в Зимние консулы. Каждого нужно судить по его заслугам.

Я тотчас же проникся симпатией к Логану, почувствовав, что готов на все, лишь бы работать под его началом, и к черту «морфенокс». Он спросил, хочу ли я и дальше работать управляющим в приюте Святой Гренеты.

– Нет, сэр, – ответил я, усаживаясь на стуле прямо, несмотря на обжигающий взгляд матери Фаллопии, – я недавно подавал заявление на работу в страховой компании.

– И?

– Мне отказали.

– Причина?

– Вмешательство... третьей стороны.

При этих словах я выразительно посмотрел на мать Фаллопию, и та отвела взгляд. Логан обратил на это внимание и, по-видимому, обо всем догадался.

¹⁹ Подробно о моей голове ниже.

– Вовсе не обязательно, – заметил он. – Навыки?

– Умею читать и писать на уровне 4-А, – перечислил я, – умею оказывать первую помощь, сто ярдов бегаю за 14,2 секунды, плаваю и играю на трубе.

– Уортинг, расскажи Джеку о том, что по Общим навыкам у тебя «Д» с минусом, – напомнила мать Фаллопия, не отказавшаяся от попыток торпедировать собеседование.

– На самом деле у меня «Д» с *плюсом*, – поправил я и добавил: – Хотя разницы особой нет.

– Я не очень-то полагаюсь на результаты экзаменов, – заметил Логан, прежде чем я смог продолжить. – Сам я в классе был одним из худших. На самом деле мне нужен человек с хорошей памятью.

Это было уже более интересно.

– Я был вторым на первенстве Суонси, запомнив шестьсот сорок восемь выбранных наугад слов, после того как прочитал их всего два раза, – с определенной гордостью сказал я. Этот результат по-прежнему оставался в городе третьим. Сестра Зиготия хотела, чтобы я принял участие в первенстве Южного Уэльса, но я, если честно, не люблю, когда на меня тарашатся.

– Ты знала об этом? – выразительно посмотрел на мать Фаллопию Логан.

– Как-то выскользнуло из памяти, – сказала та. – К тому же я никак не предполагала, что у Уортинга хватит наглости подать заявление.

– Мне нужен новый Послушник, с хорошей памятью. Отличные перспективы в плане карьеры. Работа интересная. Приходится постоянно решать сложные задачи. Кое-какие деньги, лишний кусок пудинга. Вероятность погибнуть от средней до высокой.

– Повторите еще раз?

– Лишний кусок пудинга.

– А *после* этого?

– Кофе с мятными пряниками?

– Я имел в виду ваш список.

– А, это – вероятность погибнуть от средней до высокой.

– Понятно, – сказал я. – И как дела у вашего предыдущего Послушника?

– Просто отлично.

– Не совсем, – скрестила руки на груди мать Фаллопия. – В настоящий момент она в сумасшедшем доме, стучится головой о стены и кричит благим матом.

– Кричит о чем?

– О, не знаю, – сказал Логан. – Муравьи, премьер-министр Ллойд-Джордж, пуговицы или что там еще.

– А у ее предшественника?

Ответила мать Фаллопия:

– Тело вернули, но без головы.

– Да, – задумчиво подтвердил Логан. – Я тогда еще подумал, как же это некрасиво.

– Лунатики?

– Злодеи.

Злодеи обыкновенно жили на границе ледников и частенько совершали набеги на расположенные поблизости города, разграбляя кладовые и угоняя прислугу. Они продавали мамонтов в качестве выючных животных и играли на фондовой бирже, с переменным успехом. У них имелся собственный кодекс поведения, основанный на чести, хороших манерах и вечернем чае. Злодеи с радостью убивали того, кто с ними не соглашался, но затем писали покаянные письма его родственникам. «Хорошие манеры, – говорили они, – ничего не стоят».

– Понимаю, что не должен этого спрашивать, – сказал я, – но почему тело вернули без головы?

Логан пожал плечами.

– Знаешь, я сам точно не знаю. Конечно, можно было бы спросить у Злодеев, когда мы их настигли, но я был не в том настроении, да и на исход, пожалуй, это никак не повлияло бы. Не нужно обращать внимание на подобные мелочи. По-прежнему хочешь поступить на службу?

Я оглянулся на мать Фаллопию.

– Как это ни странно, *да*.

– Ну хорошо. Вот тест, и он начинается прямо сейчас.

Последовала пауза.

– Я не знаю, что должен сделать.

– В этом и заключается тест.

Тридцать секунд я сидел, тщетно пытаюсь сообразить, что

хочет от меня Логан.

– Говорила же я, что мы напрасно теряем время, – торжествующим тоном заявила мать Фаллопия.

– Что ж, спасибо за то, что пришел, – сказал Логан, когда истекла минута. – Сколько там еще осталось?

– Я был последним.

Он захлопнул записную книжку.

– Тогда на этом всё.

Чувствуя, как во мне снова поднимается отчаяние, я поднялся на ноги, старательно избегая взгляда матери Фаллопии, поблагодарил Логана и направился к двери. Взявшись за ручку, я остановился и обернулся, осененный внезапной догадкой.

– Чтобы проводить пригожего прохожего, – медленно начал я, – из ледяного Лланбойдана с кру2жками и... *стружками* из Флитуика в Чизуик пока... Крюгерс и Люгерс палят из пушки по подушкам этого хватит чтобы...

Я остановился, напрягая память. Скороговорку я слышал всего один раз, и не сосредотачивался. Но она звучала складно, и это упрощало задачу. Логан с любопытством смотрел на меня.

– Продолжай.

– ...сделать мамонта из одного грамма... *грамоты* и наполнить литую кастрюлю кипятком из Ливерпуля.

Логан кивнул.

– Очень хорошо.

– Ерундовая задача, – недовольно буркнула мать Фаллопия. – К тому же Уортинг добавил в середине «из Флитуика».

– Знаю, – согласился я, – но так лучше звучит.

Логан улыбнулся.

– И то правда. Когда можешь начать?

– Я могу начать прямо сейчас. Можно задать один вопрос?

– Конечно.

– Зачем вам нужна моя память?

Логан смерил меня взглядом.

– Потому что моя недостаточно хороша для того, что, возможно, мне потребуется.

Поднявшись на ноги, он взял мою руку и заключил меня в Зимние объятия. Вблизи я почувствовал исходящий от него запах лосьона после бритья, ужина и коньяка.

– Добро пожаловать в Службу. Держись рядом со мной, делай то, что я говорю, и совершай сколько угодно ошибок – но только не повторяй одну и ту же дважды. Понятно?

– Да, сэр.

Отпустив меня, Логан взглянул на часы и сказал, что ему пора идти. Я изумился, увидев, как они с матерью Фаллопией – Пруденс – поцеловались в губы. Они крепко обнялись и попрощались, и Логан направился к двери.

– Следуй за мной, – сказал он.

Я обернулся к матери Фаллопии.

– Спасибо за все, что сделали для меня, – сказал я, ста-

раясь быть искренним, однако на самом деле в моих словах прозвучал глубокий сарказм.

В ответ та сверкнула на меня глазами.

– Ты вернешься к Весеннему пробуждению, – сказала она, – или поджав хвост, или в цинковом гробу. Никакой разницы. На эту работу тебя больше не возьмут. Желаю удачи. Тебе она ох как потребуется.

Ничего больше не сказав, я вышел вслед за Логаном.

– Пруденс вовсе не такая плохая, какой себя выставляет, – сказал он по дороге к выходу. – Чем ты ее так разозлил?

– Считалось, что я не переживу вторую Зиму, – сказал я, – и мои перспективы на усыновление были невысоки, поэтому ждать от меня денег было напрасно. И я не знаю, на сколько хватило выплат по страховке.

– Приюты – жестокое место, – согласился Логан, – и все-таки они выполняют важную задачу. Как долго ты максимум не спал?

– Сто восемь часов двадцать шесть минут, когда мы играли по телефону в «спящий теннис».

– Ну и как у тебя получилось?

– Не очень.

Я объяснил, что играл вместе с ныне покойными Билли Дефройдом и Сианом Морганом и слышал их насмешливые телефонные сообщения, когда наконец проснулся спустя шестнадцать недель. Победил Билли, продержавшийся сто сорок два часа, однако победа его была омрачена: Си-

ана обнаружили Умершим во сне вследствие осложнений, вызванных недостаточной подготовкой к переходу в спячку, и нас с Билли обвинили – несправедливо, как нам показалось, – в Подстрекательстве к отбиранию еды. Мне дали шесть недель общественных работ, но за Билли заплатил штраф его приемный отец.

– Такое случилось не в первый раз, – усмехнулся Логан, толкнув дверь и выходя из здания, – и определенно не в последний. Знаешь, что Зимой убивает больше всего людей?

– Злодеи?

– Попробуй еще раз.

– Лунатики?

– Нет.

– Холод?

– *Одиночество*. Летом оно просто портит человеку настроение, а вот Зимой оно может привести к летальному исходу. Мне приходилось видеть, как у крепких людей ломалось все внутри. И не образно, я имею в виду, *буквально*. Как будто их покидала душа. Это было видно по глазам. Они стекленели, как у мертвых, как у лунатиков, словно внутри больше ничего не оставалось.

Нельзя сказать, что Логан расхваливал мне Зиму, но я промолчал. Он продолжал:

– Враг – это не Злодеи, кочевники, стервятники, бессонники, Ледяные отшельники, Мегафауна, лунатики, грызуны или разъедающая плоть холодная слизь, враг – это Зима. Для

того чтобы выжить, нужно в первую очередь уважать ее. Что нужно делать?

– Уважать Зиму. – Я помолчал. – Сэр?

– Да?

– Что такое разъедающая плоть холодная слизь?

– Пожалуй, лучше об этом не думать.

Мы остановились перед оранжевым «Космо». Логан отпер дверь и сел внутрь, затем опустил стекло.

– Пока что это все. Я на шесть недель отправляюсь на боковую, встретимся за две недели до Засыпания. Явишься в Консульское отделение Кардиффа; мы находимся рядом с Дормиториумом «Черная мелодия» – ты можешь получить там квартиру. Перед тем отдохни пару дней. Отправляйся на курорт в Говер, сходи в кино. Может, тебе захочется дочитать длинную книгу, которую ты начал, доиграть затянувшуюся партию в шахматы по переписке и разобраться со всеми проблемами, которые лучше не оставлять нерешенными.

– А что, вероятность того, что я не доживу до Весны, настолько велика?

– Простая мера предосторожности, – ответил Логан. – Я делаю все возможное, чтобы не потерять Послушника в первый же сезон. Будь здоров!

Нельзя сказать, чтобы это заявление наполнило меня уверенностью, но по крайней мере я разделался со Святой Грнетой, сохранив права на «морфенокс». Я проводил взглядом, как «Космо» влился в поток машин и скрылся вдали.

Обернувшись, я посмотрел на старое здание, бывшее мне домом на протяжении последних двадцати двух лет. Я подумал было о том, чтобы заглянуть внутрь и поделиться со всеми своей новостью, а затем отправиться в продолжительное турне по всем ресторанам и кафе побережья – шашлык, рыба с картошкой, гамбургер, соевый творог, снова шашлык, – после чего в три часа ночи свалиться с набитым животом, стеной от несварения, счастливым и без гроша за душой.

Однако теперь об этом не могло быть и речи. Мое вхождение в Зиму впервые будет не таким, как прежде: налегке.

Ночи Кардиффа

«...Любому импульсному оружию для работы требуется резервуар со сжатым воздухом, однако все современные модели используют термальную батарею, включающую в себя детонатор для воспламенения источника тепла, который, в свою очередь, разжижает электролит для генерации электрического тока высокого напряжения. Сила тока значительная, однако длительность импульса ограничивается долей секунды...»

Руководство по эксплуатации ПВО (портативного вихревого орудия)

– Ого! – с восхищением произнесла Люси Нэпп, когда мы шесть недель спустя встретились, чтобы выпить кофе с булочками.

Сдобные булочки с изюмом были просто прелесть, а вот кофе на вкус напоминал песок. Я пригласил Люси в Кардиффское отделение Службы, в первую очередь чтобы проинформировать ее о впечатлении. Она обвела взглядом просторное помещение, разделенное перегородками, абсолютно идентичное всем другим отделениям Консульской службы в стране, соответствующим требованиям «Нулевого навыка». Со стен огромного вестибюля при входе на нас взирали портреты Дона Гектора и принцессы Гвендолин XXX–VIII, баро-

графы ²⁰ тихо бормотали себе под нос, указывая на то, что погода, несмотря на внешние проявления, все-таки действительно улучшалась.

– Ого! – повторила Люси, когда мы устроились в холле. – Чарли Уортинг, Послушник Джека Логана. Кто бы мог подумать?

– Только не я.

– И как это – оставаться худым, в то время как все твои знакомые набирают жир?

– Через какое-то время я перестал с ними встречаться.

– Всегда одно и то же, неинтересно.

На самом деле это знакомые перестали встречаться со мной. Полнея на пути к заветному весу, который поможет продержаться Зиму, они видели во мне лишь плохое здоровье, предвещающее трагедию. Через месяц все прекратили со мной общаться. Все, кроме Люси. Она радушно приняла меня в семью Зимовщиков, не переставая хвалить и давать дельные советы.

– Решающее значение имеет хороший завтрак, – сказала Люси, – а также удобная обувь, носки из шерсти мериноса и запас съестного, чтобы всегда было чем перекусить. Также полезно хорошенько вздремнуть, всегда иметь при себе тюбик согревающей мази – и ни в коем случае не нужно недооценивать ценность подходящих обоев.

²⁰ Устройство, используемое для записи барометрического давления. Обычно данные записываются на листе бумаги.

– Это еще как?

– Ты удивишься, какое успокаивающее действие может производить правильно оформленная комната. Помогает также неброская обстановка пастельных тонов, а еще собрание приятной камерной музыки – но лучше на восковых цилиндрах, а не на виниле и магнитной ленте. Ненадежность электричества действует на нервы, а от батареек на холоде нет никакого толка.

Люси спросила, как ко мне относятся Зимние консулы, и я объяснил, что занимаюсь для них готовкой, стиркой и глажкой.

– То же самое было и у меня в первую Зиму в «Гиббер-техе», – подтвердила она. – Полагаю, это что-то вроде «дедовщины». В армии тебя в одном белье высаживают в снег в тридцати милях от базы, на гражданке это мытье посуды и штопка. На самом деле это очень сплачивает, да и обращаться с утюгом научишься.

– Мне не нужно учиться обращаться с утюгом.

– *Всем* нужно учиться обращаться с утюгом.

Затем, подумав немного, Люси попросила меня «держаться глазами открытыми». Я поинтересовался у нее, зачем, и она ответила, что как представитель «Гиббер-техы» обязана иметь широкую сеть осведомителей – а я единственный ее знакомый в Службе зимних консулов, кому она может доверять.

– А что в Консулах такого, что им нельзя доверять? – спросил я.

– Много чего, – ответила Люси, но не стала распространяться, и разговор быстро перешел на другие предметы.

– Пусть Весна примет тебя в свои объятия, – напутствовал я, обнимая ее на прощание.

– И тебя тоже, – сказала Люси.

Логана я в следующий раз увидел только за десять дней до Засыпания. Дни стали уже совсем короткими, температура держалась ниже нуля, давно установился постоянный снежный покров. За всю последнюю неделю не было ни дуновения ветра, снег опасно скапливался даже на самых крутых скатах крыш. Время от времени слышался приглушенный хлопок, когда очередные полтонны снега срывались вниз на землю. Утопление – не единственный способ, каким вода способна убить человека.

Я стоял, облокотившись на широкие гусеницы Снегохода, с гулко колотящимся сердцем, чертовски волнуясь, стараясь выглядеть настоящим профессионалом в новенькой ладно скроенной форме Зимних консулов. Помимо домашних забот в Службе, я провел две недели в Учебной академии, знакомясь с базовыми навыками выживания и основными понятиями психологии сна и сновидений, Злодеев, климата, коэффициента резкости погоды, радиолокационной станции Х-4С и даже Зимнего люда. Наставники недоуменно разглядывали меня с ног до головы, переговариваясь у меня за спиной относительно уровня моей подготовки. Большинство

Послушников напряженно занимались на протяжении всего Лета.

Дверь в Дормиториум «Айвор Новелло» ²¹ открылась, и вышел Логан. Остановившись, он полной грудью вдохнул холодный утренний воздух. Выглядел Логан посвежевшим и на удивление поджарым – он не собирался носить на себе жирок, который каким-то образом отложился за месяц у меня.

– С возвращением, сэр! – сказал я. – Как спалось?

Логан озадаченно смерил меня взглядом.

– Ваш новый Послушник, – напомнил я, прекрасно понимая, что мозгу требуется какое-то время, чтобы оправиться после зимней спячки. – Меня зовут...

– ...так, помолчи, я сам. – Сосредоточившись, Логан улыбнулся и щелкнул пальцами. – Чарли Уортинг. Парень с отличной памятью из заведения Пруденс. Верно?

– Так точно, сэр. Вы так и не сказали, зачем вам нужна моя память.

– Да, – подтвердил он. – Не сказал.

Мы забрались в Снегоход.

– Мои заметки у тебя?

Я повернул ключ в замке. С шипением сжатого воздуха заработал двигатель. Я протянул Логану папку. Тот принял-ся листать ее содержимое, пока мы ехали по пустынным улицам, заваленным снегом, мимо высоких сугробов, нанесен-

²¹ Новелло, Айвор (наст. имя Дэвид Айвор Дейвис) (1893–1951) – валлийский композитор, актер, драматург.

ных у стен домов. В папке лежали уточненные инструкции «Гибер-теха» относительно политики в отношении лунатиков, список сигналов тревоги, данные на пропавших без вести и разыскиваемых преступников.

– Ну как тебе это нравится, – сказал Логан. – Премия за поимку Счастливого Неда повышена до десяти тысяч евро.

Нед Фарнесуорт по прозвищу Счастливчик был одним из самых дерзких членов неформального зимнего сообщества. Закоренелый женоненавистник, он промышлял воровством, убийствами и похищениями людей. Кроме того, Счастливчик Нед был страстным коллекционером марок – поговаривали даже, что это увлечение переросло у него в навязчивую одержимость. Благоразумные филателисты на Зиму убирали свои коллекции в хранилища.

– Десять тысяч? Этого достаточно, чтобы его предали собственные соратники?

– Без шансов.

В назидание другим Злодеи набивали снегом еще живых осведомителей и предателей, и этот вид возмездия, хоть и варварский, открывал простор для художественных изысков: еще не закованному на морозе телу можно было придать практически любую позу. Особенно популярной было воспроизведение микеланджеловского Давида, далее с небольшим отрывом следовали творения Родена ²². Одна-

²² Роден, Рене Франсуа Огюст (1840–1917) – выдающийся французский скульптор. (Прим. переводчика.)

жды стычка двух династических групп Злодеев завершилась тем, что из побежденных устроили очень правдоподобную копию «Тайной вечери». Она оставалась популярной туристической достопримечательностью до тех пор, пока не растаяла, а открытка с ее изображением какое-то время лидировала по объемам продаж.

Мы остановились перед воротами Кардиффского отделения Консульской службы. Нас пропустили внутрь, где Главу Сектора уже ждали Прейс, Клаар, Томас, Прайс, Пауэлл и Уильямс. Зимой в Кардиффе будут работать восемь Консулов, включая меня. Всего каких-нибудь десять лет назад штат состоял бы из двадцати человек. Сокращение бюджета ударило по всем отделениям.

Первый день Логан потратил на обустройство и краткое ознакомление с последними известиями, особенно в части долгосрочных прогнозов погоды и состояния отопительной системы и термоизоляции Дормиториумов. Я провел с ребятами уже полтора месяца и успел познакомиться кое с какими их заскоками, как хорошими, так и плохими. Они действительно заставляли меня выполнять за них мелкие бытовые работы, однако взамен вознаграждали рассказами, нацеленными на то, чтобы пугать, но в то же время и просвещать: о снежных буранах, более плотных, чем молоко, длящихся по несколько недель кряду, о деревьях, укутанных ледяными коконами, словно завернутых в целлофан. О замерзших

каплях дождя, падающих подобно алмазам с нежным позвякиванием колокольчиков, о таких низких температурах, что замерзает ртуть в градусниках, и о тех глупцах, осмелившихся выйти на улицу и замерзающих за считанные минуты. Ребята рассказывали про снежинки размером с тарелки для супа, сугробы глубиной семьдесят футов, на долгие зимние недели засыпающие деревни по самые крыши, про причудливые снежные скульптуры, высеченные ветром, настолько прекрасные, что они кажутся творением богов.

Все эти рассказы я слушал со смесью удивления, страха и недоверия. Однако какими бы суровыми ни были невзгоды Зимы, все говорили о ней с определенной долей любви.

На второй день мы отловили волосатого носорога, забредшего на стоянку перед универмагом, и отвезли его на запад, за ограду, сдерживающую Мегафауну ²³. Покончив с этим, мы перебрали всех зимсонников, начиная с тех, у кого действительно имелись противопоказания к зимней спячке, и до достойных морального осуждения неспящих: симулянгов, лентяев и одурманенных наркотиками сновидцев. Зимсонница считалась общенациональной проблемой, и решение также принималось на общенациональном уровне: зимсонники равномерно распределялись по всей стране, что-

²³ Мегафауна оставалась непреходящей головной болью, однако все видели в ней лишь обитателей Северной Европы, таких же, как мы. К тому же пицца будет не такой без сыра носорогелла, а осенний отстрел мамонтов позволял пополнить крайне необходимые запасы продовольствия.

бы разделить поровну дополнительные затраты на питание и обогрев. Мы отправили троих в Сент-Дейвидс и еще четверых в Престейн, затем сами получили шестерых из Озуэстри.

– Знаю, – ответил Логан, когда я указал ему на полную бессмысленность этого занятия. – Пусть городское собрание развлекается.

Утром на третий день мы с Логаном отправились в тир, устроенный в приземистом здании на противоположном берегу реки, напротив кегельбана и «Макдоналдса», уже закрывшихся на Зиму. Мы пришли туда, чтобы посмотреть, насколько хорошо я обращаюсь с «Колотушкой», но в конечном счете перебрали почти все имевшееся в тире оружие – от умещающегося на ладони «Тычка»²⁴, по силе воздействия сопоставимого с хорошим ударом кулаком, до «Кувалды», использующейся в первую очередь для разгона бунтовщиков. Его максимальным зарядом можно с расстояния двадцать футов сбить с ног десяток человек.

– Случается, лунатик получает несколько серьезных попаданий, прежде чем упасть, – объяснил Логан. – Конечно, лучше, если треснуть его по башке. Тебе доводилось с ними встречаться?

Я рассказал про Отсутствующего, которого мой закадычный друг Билли Дефройд нашел запутавшимся в колючей

²⁴ Около 2500 ньютонов на дистанции шесть футов, однако сила убывает пропорционально квадрату расстояния до цели.

проволоке ограждения сада, и Логан похлопал по нагрудному карману, в котором должно лежать запасное оружие.

– Всегда держи в кармане два батончика «Сникерс», – сказал он. – Ты удивишься, как их быстро перенастраивает вкусная еда. У меня на глазах обезумевший от голода людоед превратился в смирную морскую свинку, съев всего восемь кексов с изюмом.

– Это неплохо было бы использовать в рекламе.

– Пожалуй. А ну-ка, попробуй «Коровий шест».

Положив на место «Кувалду», я взял из шкафчика следующее оружие, загнал мощный заряд, крепко прижал приклад к плечу, щелкнул флажком предохранителя и нажал на спусковой крючок. Раздался пронзительный вой, затем...

Ба-бах!

От этого звука у меня заложило уши, а пустая сорокагаллонная бочка, служившая нам мишенью, отлетела в противоположный конец тира, здорово смятая.

– Хотя нередко самой страшной составляющей Зимы называют лунатиков, – сказал Логан, забирая у меня оружие, – больше половины смертей среди тех, кто не по сезону бодрствует, вызвано паникой.

– Ходячие ночные ужасы, – сказал я.

– Вот почему мы никогда не списываем ночных дев, Домовых, Грымз и прочих Зимний люд на пустые Зимние выдумки и сказки. Для бодрствующего не по сезону, наполовину рехнувшегося от усталости, воображаемые ужасы могут

быть такими же опасными, как и реальные.

– Сестра Пуповиния говорила, что Грымзы питаются стыдом недостойных.

– Сестра Пуповиния много чего говорит, – сказал Логан, однако в его голосе не прозвучало презрения, что меня удивило.

Физические свидетельства существования *любых* представителей Зимнего люда твердо держались в районе нулевой отметки, однако к Грымзам – бесспорно, самым невероятным существам – относились крайне серьезно.

– Вы полагаете, Грымзы существуют? – спросил я.

– Как я уже говорил, ничего не сбрасывай со счетов.

Я кивнул. Мифическая Грымза обладала многими странностями, в частности, необъяснимой любовью к мюзиклам Роджерса и Хаммерстайна ²⁵ и прямо-таки одержимой тягой к домашнему уюту – что по непонятным причинам проявлялось в стремлении аккуратно складывать постельное белье. В качестве отвлекающего маневра суеверные спящие нередко оставляли на Зиму перед домом корзину со скомканным бельем, на всякий случай.

– Как вы думаете, мне нужно попробовать «Молчаливый ужас»? – спросил я, указывая на самое большое оружие в шкафчике.

²⁵ Роджерс, Ричард Чарльз (1902–1979) и Хаммерстайн, Оскар (1895–1960) – американские композитор и либреттист, авторы таких известных мюзиклов, как «Оклахома», «Юг Тихого океана» и «Звуки музыки». (Прим. переводчика.)

Первоначально предназначавшееся для разрушения прочных конструкций, оно запросто могло опрокинуть легковую машину, хотя на таком небольшом расстоянии стрелок, скорее всего, сломал бы при этом себе ключицу.

– Если честно, лучше не надо.

– Хорошо. Но подождите! – воскликнул я, указывая на большой серый предмет размером с мяч для регби, лежащий на дне шкафчика с оружием. – Кажется, это ведь «Голгофа»?

Изделие 18-Б компании «Термалайт индастриз», в просторечии «Голгофа», было разработано для того, чтобы пробивать в горах железнодорожные тоннели ²⁶, но военные, услышав о нем, долго упрасивали, умоляли и в конце концов получили свою модификацию, разработанную специально для армии.

– Да, она самая, но только трогать ее нельзя. Подожди, – добавил Логан, сунув руку в карман. – Вот, возьми.

Он протянул мне Всеключ из вороненой стали на кожаном шнурке. Я должен буду ни при каких условиях не расставаться с ним; незаконное использование или потеря ключа повлечет наказание в виде немедленного увольнения из Службы и тюремное заключение.

– Теперь перед тобой открыты все замки, Чарли. Любая дверь, машина, сейф, навесной замок. Обращайся с этим мо-

²⁶ Предположительно, первая импульсная граната, выдававшая усилие свыше одного меганьютона, однако производитель так и не обнародовал технические характеристики.

гуществом мудро.

Я с любопытством уставился на Всеключ. На нем были выгравированы мое имя, а также Гражданский номер.

– Вас понял, сэр.

На следующий день мы изучили Зимнюю кладовую ²⁷, запасы которой измеряются в человеко-днях. Для того количества людей, которым предстояло с нашей помощью продержаться без спячки на протяжении всей Зимы, продовольствия было более чем достаточно. В других секторах к пополнению кладовой подходили не так добросовестно, поэтому хранилище обыкновенно устраивалось под землей и охранялось. Великое ограбление кладовой остается единственным преступлением, для противодействия которому закон разрешает применение летального оружия, но даже тут не все однозначно. Четыре года назад какой-то бедолага был убит при попытке стащить несколько кусочков песочного печенья, и вонь поднялась страшная.

Еще через два дня в Барри была убита Младшая консул Клаар.

Она погибла рядом с «Ночным ревом», заведением для тех, кто не торопится засыпать. Хотя все оружие, имевшееся у нас, не было летальным, по давней договоренности пре-

²⁷ Не путать с Весенней кладовой, в которой хранятся съестные припасы, чтобы продержаться до нового урожая.

ступникам с большой вероятностью предстояло стать жертвами «непреднамеренного применения нелетального оружия, повлекшего за собой смерть», посему, как следствие, убийство Зимнего консула рассматривалось не просто как двустороннее соглашение, а как своеобразный спорт. Не составляло тайны, что Клаар незаконно помогала одной криминальной группировке в борьбе с другой, и ее неизбежный конец был только вопросом времени.

Засунув голову в полугусеничный вездеход Клаар, я лишь мельком взглянул на ее останки, после чего исторгнул почти весь обед в ближайший сугроб.

– Рвота – это бесполезная трата белков, – сказал Вице-консул Прейс, коротышка, любитель язвительных шуток и арахиса в шоколаде. – С точки зрения практичности можно было бы собрать все в пакет и оставить на потом.

– Нет уж, спасибо.

– Если смешать с гуляшом, ты даже ничего не заметишь, – совершенно серьезно сказал он.

– Послушайте, спасибо за совет, но я не стану есть собственную блевотину.

– Это все потому, что ты недостаточно проголодался. А вот будешь по-настоящему голоден, станешь есть мертвечину, лишайник, картон, чужую блевотину – *все, что угодно*. Тебе приходилось слышать о Токкате, Старшем консуле Двенадцатого сектора?

О Токкате слышали практически все. По слухам, она взя-

ла за правило не брать злоумышленников живьем, и смертность среди Младших консулов, служащих под ее началом, в восемь раз превышала среднюю по стране. Также ходили слухи, что Токката своими собственными глазами видела Грымзу – далеко в огненных долинах, где никогда не ложится снежный покров, а воздух насыщен серными испарениями, словно там приземлился дьявол собственной персоной.

– Я слышал, в одну особенно суровую зиму она съела лунатика, чтобы не умереть от голода, – сказал я.

– Двух лунатиков, насколько я слышал, – уточнил Прейс, – и теперь она к ним пристрастилась.

– Да бросьте вы! – сказал я, уверенный в том, что он меня разыгрывает.

Однако Прейс, похоже, был совершенно серьезен.

– Бывает, что выживание диктует чрезвычайные меры. Говорят, Эйвонский бард ²⁸ ввел сэра Джона Фальстафа во многие свои пьесы именно с этой целью – чтобы Зимним актерам было чем прокормиться, если дела станут совсем плохи.

– Правда? – удивился я.

– Как знать? Но когда муки голода становятся невыносимыми, кладовая пуста, а о том, чтобы впасть в спячку, не может быть и речи, всегда нужно иметь в виду Зимние котлеты. Да, кстати, раз уж речь зашла о Токкате, не упоминай

²⁸ Эйвонский бард – прозвище У. Шекспира, родившегося и похороненного в г. Стратфорде-на-Эйвоне. Сэр Джон Фальстаф – герой нескольких его пьес, веселый толстяк. (Прим. переводчика.)

о ней нашему начальнику. Несколько лет назад между ними случилась размолвка, и он до сих пор не вполне оправился.

– Что произошло?

– Он влюбился.

– Неужели? Никогда бы не подумал.

– О, наш Логан такой. Но потом Токката послала его к черту, и он, как я уже говорил, все еще зол на нее.

Так получилось, что недавно Токката приходила в отделение, чтобы поговорить с Логаном. Я сказал Прейсу об этом, и тот удивленно поднял брови.

– Что-то личное?

– По службе. В Двенадцатом секторе происходит что-то странное.

– Ну и что тут такого? В Двенадцатом секторе *всегда* происходит что-то странное.

Наводок на то, кто убил Клаар, почти не было. Недавний снегопад замел все следы, но Логан отправил двух Консулов переговорить с осведомителями и выяснить, какая группировка была больше на нее обижена.

– И что дальше? – спросил я у Логана, вернувшись в Консульство.

– Будем ждать, – ответил Старший консул. – Когда наступит голод, кто-нибудь начнет вымаливать съестное в обмен на информацию. Чтобы разговорить человека, ничто не сравнится с хорошим ужином, с ростбифом с подливкой и йоркширским пудингом, с бисквитом со взбитыми сливками

на десерт. Как у нас говорят: «Наполнить пузо – развязать язык».

В течение двух последующих дней практически непрерывно бушевал буран, и я под руководством Логана отрабатывал езду на Снегоходе вслепую, с помощью локатора Х-4С. Это было довольно хитрое занятие, однако я предварительно несколько часов позанимался на тренажере, поэтому не слишком облажался.

– Хочешь один совет? – спросил Логан, когда я петлял по Кардиффу, ориентируясь только по картинке на экране локатора.

– Насчет стирки?

– Нет, – сказал он, – дело вот в чем: строить планы хорошо Летом, но Зимой мудрее просто иметь цель.

– Я полагал, мы должны составить план и выполнять его?

– События развиваются быстро, – сказал Логан, – и нужно мыслить на ходу, чтобы заранее составленный план не встал на пути к цели.

Совет показался мне дельным.

– Спасибо, – сказал я.

– Всегда пожалуйста, – ответил Логан, – да, и поменьше крахмаль мои сорочки – а то у меня такое ощущение, будто я надел картон.

Токката наведалась еще раз, когда мы уже вернулись в

управление, и Логан почти целый час говорил с ней наедине у себя в кабинете. Насколько я понял, Токката просила Логана помочь ей в одном деле, однако в преддверии Зимы Консулы не покидают свой сектор – судя по всему, таковы требования. И еще, похоже, тут была замешана какая-то женщина по имени Аврора, которая, как показало быстрое расследование, возглавляла службу безопасности «Гиббер-теха» в Двенадцатом секторе. Насколько я понял из услышанных обрывков разговора Логана с Токкатой, они оба ее терпеть не могли. Я спросил об Авроре у Вице-консула Прейса, и тот предупредил меня «держаться подальше от всех троих – одни неприятности».

На следующий день мы помогали Санитарам отлавливать Эдвардов и Джейн.

– Мне это занятие никогда не нравилось, – заметил Логан.

На самом деле, насколько я мог видеть, это занятие не нравилось никому – за исключением самих Санитаров, которым наконец предстояло заняться Зимой тем, к чему они готовились все Лето. После того как ограниченная работоспособность Преобразованных, психологически неспособных впасть в зимнюю спячку, закончится, их разделают, как только реципиенты полностью заснут. Если лунатики были непредусмотренными последствиями «морфенокса», то бесплатный физический труд и возможности трансплантации органов можно было считать непредусмотренными послед-

ствиями непредусмотренных последствий. Скрининг проводился на протяжении всего Лета, и у каждого Эдварда и Джейн на различных органах уже были клейма с именами предполагаемых реципиентов. Нога, лицо, пальцы, внутренние органы – пересадить можно было практически всё. Состояние зимней спячки особенно благоприятствовало приживлению пересаженных органов ²⁹.

– Вечно не хватает, да? – заметил один из санитаров, свесившись со списком и пересчитав человек тридцать, собранных нами на рабочих местах.

Эдварды и Джейн тупо стояли, покачиваясь из стороны в сторону. Наконец их загрузили в огромный грузовик и увезли.

– Почему-то это кажется мне неправильным, – сказал я, возможно, чересчур громко.

Консул Томас меня услышала.

– Ты не будешь жаловаться, когда отморозишь себе что-нибудь и захочешь это заменить, – сказала она, похлопав себя по руке, которая, как я заметил, была гораздо более светлой, чем остальное ее тело. – А рано или поздно такое непременно случится. Ты не станешь единым целым с Зимой до тех пор, пока она у тебя чего-нибудь не отнимет.

²⁹ Это является следствием низкой концентрации белых кровяных телец, одной из физиологических особенностей разжижения крови, свойственной зимней спячке. В тот момент я этого еще не знал.

На четвертый день перед Засыпанием местная полиция официально передала нам свои полномочия. В церемонии приняли участие мэр, начальник полиции и большой имбирный пряник в виде символической снежинки. Меня там не было; кто-то должен был остаться в управлении, чтобы отвечать на звонки и доглаживать форменную одежду.

Через два дня после этого в «Берил Кук»³⁰ едва не расплавился атомный реактор. И вот тут миссис Тиффен снова возвращается в мое повествование.

³⁰ Кук, Берилл (1926–2008) – английская художница. (Прим. переводчика.)

Оливер Тиффен сгорает на работе

«...«Чугунки» заменялись раз в тридцать лет, независимо от того, исчерпан ли их ресурс, неизменно в начале Лета. Устраивались закрытые зоны, работы выполнялись бригадами рабочих, выбранных по жребью из группы тех, кто старше шестидесяти. Поскольку средняя продолжительность жизни составляла шестьдесят четыре года, долгосрочные последствия радиационного заражения оказывались минимальными. Экстренной остановкой реактора, что было крайне опасно, занималась своя собственная команда: «Спасатели»...»
«Семнадцать Зим», Зимний консул Ланс Джонс

На рассвете мы направились через весь город. Чистые гусеницы Снегохода вгрызались в свежевыпавший снег, небо было свинцово-черным. Только тоненькие струйки пара, поднимающиеся над многочисленными Дормиториумами, намекали на то, что мы находимся в городе с полумиллионным населением.

Несмотря на то что до официального начала Зимы оставалось еще два дня, все затаились по домам, и те, кто еще не заснул, завершали подготовительные ритуалы перед зимней спячкой. Особенно популярными были занятия йогой

и григорианские хоралы; йо-йо, танго, мурлыканье себе под нос, карты и акварели получали распространение и исчезали со сцены в зависимости от прихотей моды. Но для большинства подготовка заключалась просто в замедлении деятельности и сознательном избегании любого возбуждения. Это было успокоение, расслабление душой и телом.

Для того чтобы помочь первоначальному погружению в сон и облегчить повторное засыпание в случае случайного пробуждения, по кабельным сетям на протяжении всей Зимы непрерывно крутили «Бонанца»³¹. Жители с Синдромом непреднамеренного пробуждения оставляли у изножья кровати включенный телевизор с приглушенным звуком.

– Нудный он только оттого, что его повторяют без конца, – объяснил Логан, когда мы обсуждали методы, позволяющие тем, кто случайно проснулся, легче заснуть, – а знакомые наизусть персонажи и ситуации способствуют по большей части трансцендентному блужданию сознания.

Никто точно не мог сказать, почему именно «Золотое дно» было выбрано телевидением для Зимы, однако чем больше люди смотрели сериал, тем лучше тот справлялся со своей задачей. Ну а уж если перипетии семейства Картрайтов не срабатывали, всегда можно было посмотреть повтор

³¹ «Бонанца» – американский телесериал в жанре вестерна, передавался компанией Эн-би-си в 1959–1973 годах. Второй по популярности в истории американского телевидения. (Прим. переводчика.)

«Перекрестка»³² или отправиться в долгожданное забвение старым проверенным путем: «Одиссей», «Моби Дик» или «Война и мир».

Я остановил Снегоход перед Дормиториумом «Берил Кук», самым большим из двадцати семи Ночлежек³³ на побережье Пенарта. Убедившись в том, что датчик давления сжатого воздуха находится в зеленой зоне, чтобы можно было обеспечить легкий запуск, я заглушил двигатель и выбрался через заднюю дверь. Выпавший недавно снег частично растаял на утреннем солнце, затем снова замерз и хрустел под ногами, словно рисовые хлопья.

– Регулирующие стержни введены до предела, а температура ядра все равно остается в красной зоне, – с непонятным воодушевлением сказал нам привратник, словно пожар в ядерном реакторе станет желанным развлечением во время Зимней скуки.

Он пригласил нас в маленький центр управления, расположенный сразу же у входа, и мы уставились на циферблат датчика температуры ядра, стрелка которого действительно дрожала у опасного значения.

В настоящий момент на протяжении всей Зимы темпе-

³² «Перекресток» – многосерийный английский телефильм о жизни персонала и постояльцев мотеля в одном из Центральных графств Англии, транслировался с 1964 по 1988 год. (Прим. переводчика.)

³³ Общага, Ночлежка, Сеновал, Общая спальня – обиходные названия досто-почтенных Дормиториумов.

ратуру Нижнего идеала ³⁴ в Дормиториумах поддерживают Урановые ядерные реакторы, пришедшие на смену ненадежным и непредсказуемым «Тлеющим ямам», заполнявшимися перемежающимися слоями торфа, урановой смолки, угля и древесины твердых пород. По сравнению с ними «Чугунки» на основе урана и графита отличались высокой эффективностью и, как правило, не требовали обслуживания, однако иногда – крайне редко, как постоянно подчеркивала Ядерная комиссия Альбиона, – весьма ярко проявляли свой характер.

– Я не могу входить в Зиму, имея на руках потенциальный перегрев реактора с последующей автоматической его заглушкой, – сказал привратник. – Кто заплатит за переселение обитателей «Берила», если в разгар Зимы он отключится? Только не я.

Я озабоченно посмотрел себе под ноги.

– Когда осуществлялось переоборудование «Тлеющих ям» в «Чугунки», была установлена надежная защита, – сказал Логан, почувствовав мое беспокойство. – Между нами и реактором двенадцать дюймов свинца. Только в одной ядерной Ночлежке в Кардиффе однажды возникла чрезвычайная ситуация «оранжевого» уровня опасности, и это случилось в «Кэри Грант».

– Регулирующие стержни заклинило, – объяснил привратник. – Но сработала система безопасности, – с некоторым

³⁴ Четырнадцать градусов по Цельсию.

разочарованием добавил он.

Мы связались с дежурным Ядерной миссии Альбиона, и тот сначала предложил нам ничего не предпринимать и подождать, «пока не станет совсем плохо». Затем он все-таки уступил под нашим нажимом и, зевая, посоветовал кому-нибудь спуститься вниз и посмотреть, в чем дело, и снова связаться с ним, если мы решим, что «все серьезно».

Логан попросил меня найти по списку «Спасателей» ближайшего техника, но привратник избавил меня от лишних хлопот.

– У нас на десятом этаже живет Оливер Тиффен, – сказал он. – Хороший парень. Я сейчас схожу за ним.

Для экстренных вырубаний ³⁵, наружного осмотра и прочих потенциально смертельно опасных ситуаций существовал список энергичных восьмидесятилетних стариков, знающих толк в реакторах, которым смертельная доза радиоактивного облучения не слишком критично сократит оставшийся жизненный срок. Платили им за работу более чем щедро, а тому, в ком возникала необходимость, полагалась еще и медаль, однако благодаря достаточно надежным мерам безопасности и невысокой мощности реакторов такое случилось крайне редко.

Мистер Тиффен спустился к нам через десять минут, в неуместном твидовом пиджаке и галифе, выглядящий на

³⁵ Процедура быстрой остановки ядерного реактора в случае чрезвычайной ситуации для предотвращения потенциально опасного перегрева, пожара и взрыва.

удивление молодо – на вид ему можно было дать от силы лет сорок пять. Конечно, вызваться добровольцем можно в любом возрасте, но Спасатели были обязаны постоянно находиться в получасовой готовности. Посмотрев на приборы в центре управления, Оливер Тиффен поморщился, увидев, что температура в реакторе поднялась еще на несколько градусов.

– Похоже, придется немного попотеть, – сказал он, надевая садовые перчатки, очки-«консервы» и примитивные наушники с прикрепленным микрофоном. На шее у него висела старая сумка с противогазом, с привязанным спереди кислородным баллоном, а в руке он держал кожаный саквож с позвякивающими гаечными ключами.

– Проблемы? – спросил Логан, пока Тиффен листал сервисный журнал, старый, заплесневевший, покрытый пятнами от кофе.

– Если я прав, у нас меньше двадцати минут до того, как взрыв разнесет здание и разбросает горящее радиоактивное топливо в радиусе тысячи ярдов.

– А если вы ошибаетесь? – спросил Логан.

– Ну тогда отказали приборы или меня подводит мой опыт, – усмехнулся Тиффен. – А вам на всякий случай лучше убраться отсюда. Привратник! Будьте готовы затопить реактор, если я не успею вовремя его заглушить.

– Все настолько плохо?

– Все настолько плохо. Вот, – добавил Тиффен, протяги-

вая Логану запечатанный конверт ³⁶, – возьмите на тот случай, если все пойдет вверх тормашками, хорошо?

После чего он сказал привратнику быть наготове, отпер висевшим на шее ключом дверь, ведущую в реактор, и скрылся внутри. Дверь захлопнулась, и мы слышали его торопливые шаги, грохочущие по железным ступеням винтовой лестницы.

– Если хотите, вы оба можете уйти, – сказал привратник, держа руку над большой красной рукояткой с надписью «АВАРИЙНОЕ ЗАТОПЛЕНИЕ РЕАКТОРА».

Как привратник он вначале показался бестолковым и беспечным, но сейчас, когда наступил критический момент, он был готов поступить так, как поступают все привратники – до конца оставаться вместе со своими спящими подопечными и при необходимости погибнуть вместе с Дормиториумом. Я постепенно узнавал, что Зима диктует свои собственные понятия долга и чести.

– Мы останемся здесь, – сказал Логан, уверенный, как мне кажется, в том, что привратник и Тиффен тем или иным способом решат проблему.

Он не спросил у меня, собираюсь ли оставаться я, но в качестве его Послушника я как бы был его неотъемлемой частью. Через несколько минут из хриплого динамика донес-

³⁶ Тут нет ничего необычного; как правило, приготовленные загодя прощальные слова. Иногда завещание, иногда стихотворение, признание, оскорбление – иногда просто чистый лист бумаги.

ся голос Оливера Тиффена, объяснившего, что вследствие какой-то технической неисправности произошла утечка воды из предохранительного бака, и «здесь все сварилось». Мы услышали «о черт», еще несколько отборных ругательств, после чего спокойным и размеренным тоном: «затопляй, затопляй, затопляй».

Не колеблясь ни мгновения, привратник потянул рычаг. Где-то глубоко внизу послышался гул, похожий на плеск жидкого цемента, затем наступила тишина. Стрелка термометра резко дернулась вниз, и остальные датчики так же медленно упали до нуля.

– Ну вот, – пробормотал привратник, – я остался без работы.

В «Берил Кук» находились две сотни постояльцев, и все те, кто еще не заснул, помогли переносить спящих. Ходящих во сне и дремлющих распределили по дежурным комнатам в других Дормиториумах, но всех, кто уже погрузился в елейную бездну спячки, отправили в Ночлежку «Пчелиные соты», прямо на койках, так что они ничего не заметят до тех пор, пока не проснутся. Прибыла мэр собственной персоной с большой свитой широко зевающих чиновников, горевших желанием приуменьшить серьезность происшествия, вероятно, потому, что это означало меньше бумажной волокиты и скорейшее возвращение в постель.

– Полагаю, мы должны присвоить случившемуся Третий

уровень – «Серьезное происшествие», – сказала мэр, – а не Четвертый, «Авария с местными последствиями». Вы согласны?

– Строго говоря, пострадавший погиб не из-за реактора – он утонул. Так что это скорее имеет отношение к береговой охране.

– Его погребли под собой двадцать тонн борной суспензии, – напомнил Логан.

– Согласна, – ответила мэр. – Его тело откапают Весной. Его жертва останется в памяти, ему воздадут почести.

После чего она поднялась на ступени у входа, позируя для одинокого фотографа, который прибыл в паре с равнодушным журналистом, задавшим несколько несущественных вопросов. До Засыпания оставалось два дня. Никто не проявляет воодушевления в чем бы то ни было в последнюю неделю перед тем, как отправиться на боковую.

– Пошли со мной, – сказал Логан после того, как мэр, зевая, удалилась обратно в Муниципалитет.

Все Дормиториумы строятся по одному плану, не слишком изменившемуся по сравнению с первоначальным, принятым в четвертом веке императором Константином. Круглое в плане здание, как правило, увенчанное острой конической крышей, двадцать или больше этажей и проходящая посередине шахта центрального отопления. Лестницы или заключены в толстые теплоизоляционные стены, или, как здесь, закручены спиралью в центральной пустоте.

Комната Оливера Тиффена находилась на восьмом этаже, и Логан отпер ее своим Всеключом. Тускло освещенная комната имела стандартную планировку куска пиццы: сектор в одну восьмую круга, с дверью в усеченном остром углу. Остальное пространство было разделено на ванную, спальню и гостиную. Тепло и свет, удобства, которым придавали большое значение, поступали с двух противоположных сторон: тепло – от центрального ядра, проходящего через все здание, свет – сквозь забранные тройным стеклом щели в наружной стене.

Мы нашли миссис Тиффен в спальне, в окружении пакетов с едой. Она выглядела сытой, но совершенно безучастной, – Оливер Тиффен приютил свою жену у себя после того, как та отправилась в ночное скитание. При нашем появлении миссис Тиффен щелкнула зубами, после чего бойко исполнила переложение «Помоги себе сам» для бузуки.

– А играет она неплохо, а? – заметил Логан.

Для лунатиков было обычным делом демонстрировать навыки, извлеченные из обрывков памяти. Большинство могли произнести несколько слов или выполнить какое-нибудь действие, пусть и такое обыденное, как поход в ближайший магазин или включение радиоприемника. Очень немногие, однако, были способны делать что-то экстраординарное – кататься на коньках или играть в преферанс. К числу последних, или, на жаргоне о лунатиках, «Шутникам», принадлежала и миссис Тиффен. По слухам, более продвинутые из

преобразованных – Эдварды и Джейн, например, – создавались на основе именно этих людей. По-видимому, проще перенастраивать тех, кто с приветом.

– Ваш супруг только что утонул под двадцатью тоннами борной суспензии, – сказал Логан, обращаясь к миссис Тиффен, – но он без колебаний и без лишних слов выполнил свой долг. Вы можете им гордиться.

Ничего не ответив, миссис Тиффен продолжала играть на бузуки.

– К чему столько трудов, чтобы сохранить ее? – спросил я, глядя на женщину, с виду вполне здоровую, хоть и немного бледную. – И к чему таким молодым вызваться добровольцем в «Спасатели», потенциально обрекая себя на такую страшную смерть?

Вместо ответа Логан протянул мне конверт, который вручил ему Оливер Тиффен перед тем, как спуститься в «Чугунок». Записка была краткой.

Несмотря на то что внешне мозг моей жены кажется мертвым, он жив, только никак не может проснуться. Наверное, я не могу рассчитывать на то, что вы продолжите за ней ухаживать, но я буду очень признателен, если ее не разделают и не преобразуют.

– Это весьма распространенное убеждение, – сказал Логан, забирая у меня письмо, – но объяснимое, если учесть,

какие сильные чувства поставлены на карту.

– Вы выполните его просьбу и отправите ее на покой? – спросил я.

– Нет, – ответил Логан, погруженный в глубокие раздумья, – я отвезу ее в Двенадцатый сектор для преобразования. Это будет хороший предлог навеститься к Токкате и выяснить, что она хочет.

Логан попросил меня заглянуть в «Справочник Брадшо»³⁷, и я выяснил, что еще можно успеть съездить в Двенадцатый сектор и вернуться обратно до Зимнего перерыва.

– Чем мне заняться во время вашего отсутствия? – спросил я.

– Ты едешь со мной, Уортинг. Это будет тебе хорошим уроком.

– Да? – с сомнением произнес я.

Мое нежелание ехать было вполне объяснимо: Талгарт, главный город Двенадцатого сектора, является крупнейшим населенным пунктом в районе, примечательном своей безлюдностью, а также высокой концентрацией зимокочевников и Злодеев. Зимой дороги становятся непроезжими, пополнить запасы продовольствия невозможно. Не хотелось бы застрять в таком месте. Не хотелось бы вообще *оказаться* в

³⁷ «Брадшо» – известный справочник расписания движения на всех железных дорогах Великобритании, издавался ежегодно с 1839 по 1961 год. (Прим. переводчика.)

К тому времени как мы пять часов спустя сели в поезд, переселение постояльцев «Берил Кук» было уже завершено. «Гибер-тех» не забирает всех подряд лунатиков-Шутников, поэтому я составил бумаги, отправил запрос по факсу и через десять минут получил ответ: срочно доставить миссис Тиффен в Двенадцатый сектор.

– Можно задать один вопрос? – сказал я, когда мы ждали поезд на Центральном вокзале Кардиффа.

Миссис Тиффен сидела вместе с нами, снова и снова исполняя «Помоги себе сам», которая казалась мне все более нелепой. Перевозка лунатиков – это не ракетные технологии: достаточно лишь их кормить. Беспокойными они становятся, только когда проголодаются; а когда они *очень* проголодаются, от них можно ожидать *очень* крупных неприятностей.

– Валяй.

– В чем именно Токката ждет вашей помощи и кто такая Аврора?

– Это уже два вопроса.

– Я так думаю, это две стороны одного и того же вопроса. Посмотрев на меня, Логан улыбнулся.

– Очень... проницательно. Что ж: Токката связывалась со мной по поводу вирусного сновидения, распространившего-

³⁸ Я имею в виду, Зимой. Летом это сказочное место. Пешие прогулки, плавание, велосипед, отличная еда – и дружелюбные люди.

ся по всему Двенадцатому сектору. Судя по всему, обыкновенным, здравомыслящим людям снится сон про синий «Бьюик», после чего они сходят с ума. Психотические случаи, попытки убить людей, бредовые крики про отрубленные руки и раскидистые дубы, про погребенных заживо и тому подобное. Токката хотела узнать мое мнение.

– «Бьюики», отрубленные руки, раскидистые дубы, погребение заживо?

– Это сон, Чарли, в нем не должно быть смысла. Во время учебы в Академии вам говорили про вирусные сновидения?

– Сны мы рассматривали только в рамках модуля 6-А: «Психология сна без применения «морфенокса»³⁹.

Никто и не думал, что нужно давать более обширные знания: сон – это лишь попытка подсознания составить связное повествование из беспорядочного набора мыслей, фактов и воспоминаний, и он только расходует впустую ресурсы, которые должны помочь человеку продержаться до Весны.

– А Аврора?

– Глава службы безопасности «Гибер-тех». Первостатейное дерьмо. Они с Токкатой не ладят между собой. Точнее, все гораздо хуже: они друг друга *ненавидят*. Когда дело доходит до контактов «Гибер-тех» с Консульской службой в Двенадцатом секторе, есть только одно правило: избегать всеми возможными силами.

– Аврора, – задумчиво пробормотал я, – богиня утренней

³⁹ Известен как «Жратва и надежда».

зари.

– Богиня неприятностей, – поправил меня Логан, поднимаясь на ноги, поскольку наш поезд подошел к перрону. – Но я обещал помочь.

Я устроился в купе вместе с играющей на бузуки миссис Тиффен и накормил ее батончиком нуги с орехами, и она, насытившись, снова принялась исполнять «Помоги себе сам». Как оказалось, Логан терпеть не может бузуки, поэтому он перебрался в первый класс.

К нам с миссис Тиффен присоединилась женщина, оказавшаяся Зимней актрисой, и поезд тронулся. Тогда я этого еще не знал, но, сопровождая женщину, *лишенную* мечтаний, я направлялся навстречу женщине своей *мечты*.

Мертир

«...Корни традиционного «Зимнего объятия» лежат в стремлении объединить тепло тел, чтобы выжить. Поэтому в то время как Летом люди лишь на мгновение привлекают к себе друг друга, Зимой тела сплетаются в интимной близости, левая рука обнимает за шею, правая лежит на талии, головы отклонены влево и соприкасаются правыми щеками, дыхание звучит друг у друга в ухе. В любом другом контексте, кроме Зимы, подобная поза считалась бы в лучшем случае неприличной, а в худшем – сексуальным насилием...»

«Гибернационная культура человека», Моррис Дезмонд

Зимняя странствующая актриса внимательно выслушала мой рассказ про то, как я за один день из помощника управляющего приютом Святой Гренеты превратился в Послушника Службы зимних консулов. Я не упомянул о том, что моим наставником является Джек Логан, но женщина отнеслась с пониманием к моему нежеланию раскрывать это. Также я не стал распространяться о подозрениях Токкаты насчет вирусных сновидений, соблюдая следственную тайну, и ни словом не обмолвился о недоброжелательности матери Фаллопии, тут уже не к месту вспомнив о верности. Но я рассказал актрисе о перегреве реактора «Берил Кук» и само-

пожертвовании Оливера Тиффена, чем, похоже, затронул у нее в душе чувствительную струнку.

– Храбрый человек, – пробормотала она. – У вас кто-нибудь из близких запутывался в «ночном фанданго»?

– В Святой Гренете была сестра Менструария, – ответил я. – Ее выбросили в местную помойную яму, вот только оглушили ее недостаточно сильно, поэтому через три дня она объявилась снова, вся в рыбьих головах, гнилых капустных листьях и обрывках мокрых газет. Сейчас, оглядываясь назад, я нахожу в этом зрелище своеобразный черный юмор: сестра Менструария, шатаясь, входит в ворота, и все с криками разбегаются в стороны. Мать Фаллопия оказалась покрепче и окончательно отправила ее на покой, треснув по голове битой для лапты позади сарая для велосипедов. После этого Люси Нэпп целую неделю снились кошмары, но в целом, полагаю, все отнеслись к этому нормально. Ну а вы? Вы были знакомы с лунатиками?

Женщина задумчиво потерла висок.

– Мой муж Джефффри. Мы познакомились, исполняя в пантомиме роли передней и задней половины лошади, сблизившись во время «конного гавота». Исполнять этот танец синхронно очень непросто, особенно если учесть, что я поступила благородно и взяла на себя заднюю часть. – Она рассмеялась. – Джефффри сказал, что мне это идет, поскольку я и есть лошадиная задница. Разумеется, мне пришлось выйти за него замуж, и у нас были семнадцать лет необузданного

счастья. Джеффри был моим Ромео и моим Макбетом, моим Рочестером и моим Дезмондом. Но мы по-прежнему играли роль лошади на вечеринках, исполняя конный гавот, просто так, ради удовольствия.

Актриса умолкла, и улыбка у нее на лице погасла.

– Пять лет назад после Весеннего пробуждения я сначала подумала, что у Джеффри поутру туман в голове, однако в этот раз в окошко луч света так и не заглянул. Джеффри также исполнял один посмертный трюк: Ромео, сцена с балконом. Снова и снова. Я тоже думала, что он по-прежнему где-то здесь. Как мне сказали, многие в это верят. Однако пять лет я Джеффри не содержала – в следующий вторник он съел норфолкского терьера моей сестры, и на том все закончилось. Я позвонила на «горячую линию» в «Гибер-тех», и его забрали.

Лучше, пожалуй, умру я во сне,
Чем неприкаянным Зиму шататься,
Сонным и мертвым бродить в тишине,
Зимней котлетой питаться.

– Я сочувствую вам по поводу вашей утраты.

– Джеффри преобразовали в подметальщики дорог, и, по моему, я видела его один раз в Ли-на-Соленте. Ну, мне *показалось*, что это был он. У «Гибер-тех» там есть Центр преобразования, так что, полагаю, он мог быть одним из многих. В следующую Зиму его разделали. В настоящий момент

на его ногах ходит один садовник из Стоурбриджа, а глаза смотрят на пролив Малл, чему Джефффри был бы очень рад. Насчет остальных частей мне неизвестно...

Она умолкла. Лучше не задерживаться на этом, как бы тяжело ни было.

Отвернувшись, я уставился в окно на проплывающий мимо ландшафт, который хоть и постоянно менялся в мелочах, в целом оставался одним и тем же: снег и лед, блеклая пустошь, негостеприимный холод. *Зима*. Неудивительно, что почти все мы проводили ее в крепком сне.

Перестав играть на бузуки, миссис Тиффен перешла в характерное для ночных странников оцепенение, по-научному *Rigor torpīs*⁴⁰. Наступившая тишина явилась блаженной; несмотря на то что миссис Тиффен исполняла «Помоги себе сам» довольно неплохо, это была чисто мышечная память — ее душа полностью отсутствовала.

— Слава богу, — с облегчением вздохнула актриса.

Всю оставшуюся часть пути она делилась со мною полезными советами насчет Зимы: в первую очередь не занимать деньги у поручителей⁴¹, избегать любых контактов со всеми, у кого «низкие, сомнительные или продажные моральные принципы», и держаться подальше от сонных.

— Стоит только поддаться чарующему взгляду их широ-

⁴⁰ Безжизненное оцепенение (*лат.*).

⁴¹ Наличные деньги Зимой практически бесполезны, поэтому поручители за определенную мзду выдают займы, договариваются о долгах и кредитах.

ко раскрытых глаз и елейным речам и задуматься о том, как хорошо было бы оказаться где-нибудь в другом месте, – сказала женщина, – и не успеешь оглянуться, как ты уже выплачиваешь долги какому-нибудь Ломбарду, гадая, где же были твои мозги.

– Я буду осторожен.

Поезд замедлился, подъезжая к Мертир-Тидвилу. На фоне вечернего неба вырисовывались заброшенные шахты, на улицах уже зажигались фонари. Это была конечная точка, куда можно было добраться на пригородном поезде; дальше нужно было пересесть на межобластной, оснащенный снеговым плугом, который должен доставить нас «через горб» в Двенадцатый сектор.

Актриса поднялась, доставая с багажной полки свои вещи, а я, окунув палец в банку с арахисовым маслом, обильно смазал нёбо миссис Тиффен, чтобы ей было чем заняться. Открыв дверь купе, актриса шагнула на недавно посыпанный песком перрон.

– Что ж, удачи вам в вашу первую Зиму, – сказала она. – Не теряйте головы и будьте готовы к тому, что в дверь постучит Грымза. Какую бы роль я ни играла, я всегда учу реплики того, кто говорит следом за мной. Я так получила своего первого Гамлета.

«Принцип Гидры» действует не только для актеров, но и вообще для всех. Женщина удостоила меня Зимних объяснений.

– Пусть Весна примет вас в свои объятия.

– И вас тоже.

– Кто это такая? – спросил Логан, возвращаясь к нам с миссис Тиффен из первого класса.

– Имени ее я не знаю, – ответил я. – Актриса, готовится к Зимним гастролям.

– Благородная служительница Зимы, – с уважением промолвил Логан, – как и мы с тобой. А теперь слушай: у нас чуть больше часа до пересадки на другой поезд, а я должен повидаться с одним человеком. Где-нибудь через пятьдесят минут встречаемся в «Миссис Несбит». Закажи мне сандвич с беконом и чашку чая.

– Слушаюсь, сэр.

– Да, и еще, Уортинг.

– В чем дело?

– Не потеряй Отсутствующую.

С этими словами Логан быстрым шагом направился к выходу. Какое-то время я стоял на перроне под мягко кружащимися снежинками. Воздух был густо насыщен приятным запахом дыма от горящего угля. Вообще-то через две недели после остановки промышленности запах дыма уже не должен чувствоваться, но в настоящее время многие угольные пласты в районе Тредегара, Рондды и Тафф-Велли к северу от Мертира горели под землей, холмы выпускали дым сквозь трещины в земле, и нестерпимый жар превращал деревья

в обуглившиеся остовы. Ученые мужи уверяли, что теперь лишь вопрос времени, когда парниковый эффект от выброшенных в воздух газов приведет к глобальному потеплению, однако из года в год становилось только холоднее, ледники наступали, вегетационный период укорачивался. Но для нас в этом была и своя положительная сторона: значительную часть доходов Уэльса составляли тарифы на выброс CO_2 , установленные давным-давно, когда они были еще в шесть раз выше, чем сейчас.

Не найдя дежурного, я прошел к единственному другому поезду на вокзале. Паровоз еще не подали; к одинокому пассажирскому вагону были прицеплены две грузовых платформы, и их загружал автопогрузчик с вильчатым захватом. У экспедитора был измученный вид бывшего зимовщика: мешки под глазами и дряблая бледная кожа. Зимовка убыстряет процесс старения, по крайней мере, в полтора раза. Связав свою карьеру с Зимой, человек отдает ей и часть своей жизни.

На деревянных ящиках была маркировка «Рис с экстрактом амброзии», «Печенье в шоколаде», «Мини-рулеты» и «Кексы с начинкой и в глазури». Зимой люди, подобно многому другому, на время забывали и правила здорового питания. С моральной точки зрения вкусная еда частично смягчала образ Зимы как холодного чистилища, делая ее больше похожей на детский праздник. Что важно, сбоку на ящиках по трафарету было нанесено «Компания «Зимние

технологии» – Сектор 12 – Зима – Срочно». Я понял, что это тот самый поезд, однако все же по испытанной временем традиции спросил у железнодорожника подтверждения.

Его фамилия, как я выяснил, была Моуди.

– Мне бы хотелось тронуться, как только к составу прицепят паровоз, – сказал он, беспокойно поглядывая на небо, откуда широкими, неспешными спиралями падал снег, – однако начальник станции требует строгой пунктуальности, поэтому поезд отойдет строго по расписанию: ровно через пятьдесят восемь минут. Вы вернетесь или останетесь там?

– *Определенно* вернусь, – ответил я.

– Мудрый шаг. Двенадцатый сектор не для слабых духом.

– А я по виду слабый духом?

– Когда речь заходит о Двенадцатом секторе, *любой* человек слаб духом.

На эти слова ответа не было, и я, сознавая, что мертвая женщина скоро снова проголодается, отвел ее в единственную «кормушку», остававшуюся открытой: «Традиционную чайную комнату миссис Несбит». Согласно последним данным, в Северной Федерации насчитывалось свыше восьми тысяч отделений этого популярного предприятия общественного питания, из которых четыреста шесть работали на протяжении всей Зимы ⁴². В заведении царил знакомый уют: логотип компании, в данном случае гордо подсвеченный в витрине, с портретом вымышленной миссис Нес-

⁴² Согласно прямому распоряжению Министерства сна.

бит, основательницы, давшей компании свое имя. С обезоруживающей дружелюбной улыбкой, седые волосы, забранные в тугой пучок, в старомодной блузке и красном платье под кухонным фартуком. Удобство и единообразие – оба эти фактора безжалостно эксплуатировались корпорацией «Нес-Корп» – обусловили то, что в эти заведения заходили перекусить практически все, независимо от общественной прослойки и культурного происхождения.

Я зашел внутрь с закинутой на плечо бузуки. Мертвая женщина семенила передо мной, все еще поглощенная стараниями слизнуть арахисовое масло с нёба. Воздух в чайной комнате был насыщен ароматом выпечки, дешевого повидла и кофе с добавлением цикория; как и следовало ожидать, народу было мало: всего шестеро посетителей в просторном зале, способном принять вдсятеро больше.

– Мы здесь мертвых не обслуживаем.

Это замечание сделала женщина, судя по практически прозрачной бледной коже и *двум* Золотым звездам Солнцестояния, опытная Зимовщица. Большинство Зимних отделений «Миссис Несбит» заправляют выгоревшие на службе бывшие Консулы, которые обеспечивают бесперебойную подачу чая и свежих булочек до тех пор, пока, наконец, не дает о себе знать недосып в несколько десятилетий.

– Я вовсе не прошу, чтобы вы ее обслужили, – возразил я. – Я прошу, чтобы вы обслужили меня... а затем уже я сам обслужу ее.

– Ответ – категорическое нет. Ее труп войдет сюда только через мой труп.

– С лингвистической точки зрения весьма... поэтично, – согласился я. – Кажется, это называется хиазм? ⁴³

– А я думаю, это ближе к полиптотону ⁴⁴. А теперь предлагаю забрать этот ужас и проваливать вон.

– Я Зимний консул, – сказал я, предъявляя свой значок.

– Приношу свои искренние извинения, – сказала хозяйка. – Проваливай вон... *при всем моем уважении*.

В ее глазах я был разве что самую малость выше лунатика. Я уже начал подумывать, можно ли на час оставить миссис Тиффен в камере хранения и будет ли это этично, но тут у меня за спиной раздался высокий голос:

– Эта бузуки *tetrachordo* или *trichordo*? ⁴⁵

Это был голос мужчины, негромкий и уверенный.

– Понятия не имею, – ответил я, по-прежнему смотря на хозяйку заведения. – Это ее бузуки, – добавил я, ткнув большим пальцем в сторону миссис Тиффен.

Хозяйка скорчила гримасу.

– Когда это Шутники, только еще хуже. Они словно при-

⁴³ Хиазм – риторическая фигура, заключающаяся в крестообразном изменении последовательности элементов в двух параллельных рядах слов. (Прим. переводчика.)

⁴⁴ Полиптотон, многопадежие – стилистическая фигура, заключающаяся в использовании одного и того же слова при устойчивости смысла в разных падежах; вид лексического повтора.

⁴⁵ Четырехструнная или трехструнная? (*греч.*)

творяются, будто живые.

– Это называется псевдосознательным состоянием вегетативной подвижности, – сказал я, – и такие люди просто неспособны притворяться. Но вы правы, она играет на бузуки. И довольно неплохо, если хотите знать.

Словно в ответ мертвая женщина протянула ко мне руку за инструментом. Как только я отдал ей бузуки, она снова начала играть «Помоги себе сам».

– А почему бы не позволить им остаться? – предложил мужчина, спросивший насчет бузуки. – Мертвоголовая будет развлекать нас музыкой. К тому же ветеран службы в отставке обслужит действующего бойца.

Это изречение было основано скорее на надежде, чем на реальности, но мне оно понравилось.

– Ну хорошо, – после долгой паузы сказала хозяйка, – ты можешь остаться вместе со своим Отсутствующим. Но если оно начнет отпугивать моих посетителей, вам придется убраться подобра-поздорову.

Я хотел было возразить, что миссис Тиффен «она», а не «оно», но решил отметить свою маленькую победу проявлением великодушия и промолчал. Я заказал два сэндвича с беконом – один себе, второй на вынос, два кофе, аналогично, затем сосиски, кексы и пастилу для миссис Тиффен.

– С абрикосовым джемом, – добавил я.

– Джем на что?

– На все, что для нее, и побольше.

Сверкнув на меня взглядом, хозяйка удалилась тяжелой походкой. Затолкав миссис Тиффен в кабинку, я вошел и сел, затем дал ей несколько кексов.

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Это был мой благодетель из противоположного конца зала.

– Пожалуйста, подсаживайтесь, – сказал я, радуясь обществу.

По моим прикидкам, мужчине шел четвертый или пятый десяток. Волосы у него полностью поседели, и на нем была добротнo сшитая одежда закоренелого Зимовщика. Нижняя челюсть съехала вбок после плохо сросшегося перелома, а сбоку на голове зияла проплешина – скорее всего, повреждение фолликул от мороза. Больше всего в глаза бросался его Весенний вес. В любой другой обстановке мужчина производил бы впечатление просто преступно тощего. Возможно, когда-то он состоял в Службе консулов, но у меня имелись догадки насчет того, чем он занимается сейчас.

– А она играет довольно прилично, не так ли? – сказал мужчина.

– Если вам нравится слушать короткую инструментальную композицию Тома Джонса середины шестидесятых и больше ничего, – ответил я, – ее исполнение со временем становится вполне терпимым.

– А «Далилу» она играет?

– Все это спрашивают. Нет. И спасибо за то, что поддер-

жали меня.

– Не берите в голову, – по-мальчишески улыбнулся мужчина. – Вы везете ее в «Гибер-тех» на преобразование?

– Да. Вы знаете, как это происходит?

– Даже не представляю. «Гибер-тех» агрессивно оберегает свои секреты. Кстати, меня зовут Хьюго Фулнэп ⁴⁶.

– Чарли Уортинг, – сказал я, беря протянутую визитную карточку.

Моя догадка оказалась правильной – он был Лакеем. Такой готов делать что угодно для кого угодно, если только платить ему его часовую ставку. Это были наемники, Дормитопаты, разнорабочие, няньки и охотники за сокровищами в одном лице. Они даже могли сыграть с вами партию в «скраббл», если заплатить им за это, но только чтобы победить. Подобно большинству Зимовщиков, Лакеи гордились своей работой.

– Первая Зима? – спросил Фулнэп.

– Неужели у меня такой плохой вид?

– Ага, – подтвердил он, – усталость уже чувствуется.

Я тоже ее чувствовал – тупую боль, гложащую суставы, глубоко засевшую тошноту, свойственную только тем, кто сознательно оттягивает зимнюю спячку.

Хозяйка принесла кофе. Хмуро покосившись на меня, она буквально пронзила насквозь взглядом мертвую женщину и молча удалилась.

⁴⁶ Говорящая фамилия: foul пар – испорченный сон. (Прим. переводчика.)

– На прошлой неделе у меня был заказ от одной женщины, – начал Фулнэп, помешивая кофе, – которая собиралась залечь в спячку в родовом спальном гнезде, в горах за Абергавенни. У них там что-то вроде родового поместья, неподалеку от Кумбрана. В общем, она уложила вещи в машину, но пуховое одеяло не помещалось в багажнике и не давало закрыть крышку. И знаешь что она сделала?

– Что она сделала?

– Подожгла одеяло.

– И как, помогло?

– Помогло по полной. К тому времени как я подрос, машина полностью сгорела. Вся еда, вся одежда, «морфенокс» – ничего не осталось. Мне пришлось доставать ей заново все запасы.

– Где вам удалось раздобыть «морфенокс»?

– Скажем так: я знаю одну девушку, она знакома с парнем, который знает человека, знакомого с девушкой.

Я отпил глоток кофе. У него был вкус прошлогодних людей, обожженных парафиновой горелкой.

– Кофе просто *ужасный*, – заметил я.

– Добро пожаловать в Зиму.

Мы поболтали еще немного. Фулнэп рассказал забавную историю о том, как в окрестностях Трехерберта вставших в спячку мамонтов ложно пробудил ⁴⁷ подобранный подзем-

⁴⁷ Ложное пробуждение – пробуждение раньше положенного срока, обычно вследствие повышения температуры. Разбудить спящего можно достаточ-

ный пожар и как затем все стадо пришлось уводить вверх в горы Хирвауна. Этот героический переход в духе Ганнибала послужил основой сюжета книги, ставшей бестселлером, а вскоре по ней должны были поставить мюзикл с участием кукловодов из «Боевых фантазий».

– На самом деле мамонты справились сами, – закончил Фулнэп. – Шли хобот к хвосту, словно огромное ожерелье из гигантских толстокожих мохнатых бусин.

Мы немного поболтали о политике в ожидании приближения времени отправления нашего поезда. Я спросил у Фулнэпа, где туалет, и он, объяснив, предложил оставить с ним миссис Тиффен.

Поблагодарив его, я вышел из чайной комнаты и направился по перрону к туалетам. Сходив по малой нужде, я вымыл руки, сполоснул лицо холодной водой и посмотрел на себя в зеркало. Глаза у меня налились кровью и глубоко ввалились, кожа стала пепельно-серой. В ушах стоял звон, пальцы казались неестественно большими, несколько раз меня пробирала испарина. Меня предупредили, что я могу испытать некоторые или все эти симптомы, указывающие на Опьянение от недостатка сна, но, как и с морской болезнью, не существовало точных способов определить, кто не будет от него страдать, кто будет и с какой степенью тяжести. Но

но легко, просто нагрев его, хотя на это требуется от четырех до пяти дней. Дезать «кубиков» «кенорбарбидола» действуют значительно быстрее – но при этом риск гораздо выше.

лично я больше всего опасался галлюцинаций. Однажды они уже были у меня, во время сильной лихорадки, я представлял себе, как играю в «передай посылку»⁴⁸ – вот она у меня в руках, но сколько бумаги я с нее ни срываю, меньше она не становится.

Радуюсь возможности хоть ненадолго отдохнуть от бесконечного дребезжания бузуки, я рассеянно забрел в главный вестибюль вокзала. Это было просторное воздушное помещение под стеклянным куполом, теперь засыпанным снегом. Проникающий свет, мягкий и рассеянный, оставлял внутри уютный полумрак. Касса все еще работала, но кассира не было. На стенах висели рекламные плакаты Туристического бюро Уэльса.

Услышав снаружи крик, я нахмурился. Мне показалось, прозвучало слово «кальмар», однако произнести его мог только один человек, и в настоящий момент он должен был находиться в полной безопасности в «Миссис Несбит».

Миссис Тиффен.

Захлестнутый тревогой, я со всех ног бросился к выходу на перрон и толкнул массивную дверь. Морозный воздух ударил мне в лицо ледяной стеной. Смеркалось, усилившийся ветер гонял между зданиями снежные водовороты. На перроне никого не было, но на снегу отпечатались свежие

⁴⁸ Детская игра, в которой под музыку по кругу передают сверток, и тот, у кого он оказался, когда музыка закончилась, имеет право его развернуть. (Прим. переводчика.)

следы, ведущие к стоянке такси.

– Предыдущая машина, – запыхавшись, спросил я у водителя единственного остававшегося на стоянке такси, пожилого мужчины с таким обилием дряблых складок на лице, что, пожалуй, он никогда не видел Лета, – кто в ней уехал?

Водитель уставился на мой Консульский значок.

– Мужчину я не разглядел, но женщина показалась мне какой-то...

– Мертвой?

– Точно.

Попросив водителя выяснить, куда уехала предыдущая машина, и затем ждать меня на стоянке, я бросился бегом в «Миссис Несбит», поскользнувшись на припорошенном снегом мраморном полу и едва не упав. Бузуки одиноко лежала на столе рядом с недоеденным ужином.

У меня внутри все оборвалось. Фулнэп пришелся мне по душе, и я по глупости *доверился* ему. Лакеи подчиняются денежным потокам, и существует несколько способов выручить за лунатика кругленькую сумму. Учитывая относительную молодость мертвоголовой женщины, наиболее вероятным казалась ее разделка на подпольном рынке трансплантаций, но вкупе с ее потенциальной способностью к деторождению открывалась другая возможность заработать на ней: Фулнэп отправит ее на родительскую ферму. Подняв взгляд, я увидел приближающуюся хозяйку.

– Потерял свою подружку? – насмешливо спросила она.

– Куда он мог ее забрать?

Наморщив лоб, женщина уставилась на меня, силясь понять, что я имею в виду.

– Подожди... ты собираешься ее вернуть?

– Да.

– И каким же образом?

Это был хороший вопрос. Столкнуться с закаленным Лакеем будет в лучшем случае чрезвычайной глупостью, а в худшем – самоубийством; а принимая в расчет крайне ограниченное время и мой опыт, точнее, полное отсутствие такового, это просто невозможно.

– Точно не знаю.

Хозяйка смерила меня взглядом, и ее гнев, растаяв, превратился, как мне показалось, в материнскую заботу. Внезапно она напомнила мне сестру Зиготию.

– Что сподвигло тебя стать Консулом? – тихим голосом спросила она.

– Мне нужна была работа, которая обеспечивала бы меня «морфеноксом».

– Бессмыслица какая-то, – сказала женщина. – Чтобы избежать опасности Зимы без снотворного, ты идешь навстречу всем опасностям, какие только может предложить Зима?

– Теперь, когда вы об этом заговорили, – согласился я, – мое решение действительно кажется мне глупым. Но по крайней мере я вырвался из приюта Святой Гренеты.

К счастью, именно в этот момент в зал вошел Старший консул Логан.

– Здоро2во, Фран, – сказал он, подходя к хозяйке, чтобы приветствовать ее традиционным Зимним объятием, после чего упомянул о «веселеньких временах», проведенных вместе не знаю в какую Зиму в каком-то там секторе.

Судя по всему, во время первого назначения Логана определили в то подразделение Службы, в котором уже служила Фран. Зимние консулы образуют тесную, сплоченную семью, говорят, более сплоченную, чем в армии. Фран и Логан поболтали друг с другом – вспомнив то, как на них однажды набросился обезумевший от холода глиптодонт, – но в конце концов Логан заметил меня.

– Не забыл про мой сэндвич с беконом, Уортинг? – спросил он, после чего задал предсказуемый и досадный вопрос: – А где миссис Тиффен?

– Я... не забыл про сэндвич с беконом, – глупо ответил я, – и про чай.

– Очень хорошо. А миссис Тиффен?

– Ее... *украли*. Думаю, ее отправят на родительскую ферму.

Логан болезненно поморщился.

– Чертов идиот, Уортинг, кто ее забрал?

Я как мог быстро объяснил, что случилось.

– Потрясающе, – сказал Старший консул, когда я закончил. – Можешь вычеркнуть «присмотр за лунатиками» из

перечня того, чем ты способен заниматься. Перестань ковыряться в носу, Уортинг, иначе ты будешь ворошить навоз для Зимнего скота. Нравится тебе такое?

– Никак нет, сэр, – ответил я.

Уход за Зимним скотом был делом осужденных и тех, кого... ну, *ненавидели*.

– Но, – добавил я, – мы должны вернуть миссис Тиффен, правильно?

– Нет, не должны. Остановись и подумай хорошенько. Мы потеряли женщину-лунатика, и в «Гибер-техе» будут немного расстроены тем, что им не достанется Шутница, но по большому счету кому тут плохо?

– Миссис Тиффен?

– Миссис Тиффен умерла пять лет назад. Ты потерял ту оболочку, в которой она когда-то находилась. Ее больше нет, дело закончено, ты облажался, движемся дальше. Садимся на поезд.

Я отступил назад.

– Нет.

Я произнес это тоном капризного ребенка и тотчас же пожалел об этом. Логан молча устремил на меня немигающий взгляд.

– Фран, ты что думаешь? – спросил он. – Грубое неповиновение или юношеский идеализм?

– Юношеский идеализм, – уверенно ответила хозяйка заведения. – Летом он совершенно безобиден, хотя и бывает

порядком нудным, но Зимой может убить наравне с переохлаждением и корью.

Шагнув ко мне, Логан понизил голос.

– Слушай внимательно, Послушник. Брось свои высокие этические замашки или проваливай, пока не сделал что-нибудь такое, с чем потом не сможешь жить. И позволь тебе сказать, это неизбежно, как только холод, страх и голод вцепятся в тебя мертвой хваткой. Что-то обязательно пойдет не так, ты попытаешься выбрать лучшее решение из двух плохих, и вот уже Зима прибрала тебя к себе и ты сосулька. Высокие идеалы, друг мой, – это непозволительная роскошь.

Я молча смотрел на него, и он шумно вздохнул.

– Да, ты прав, мы *стараемся* прикрывать родительские фермы, хотя нам это не нравится. Потому что в конечном счете результат всего этого – счастливые родители и десятки детей. А когда это закончится, ее разделают. Согласен, органы продадут на черном рынке – но *кому-то* они принесут пользу. Мы Консулы, Уортинг. Мы стремимся обеспечить наиболее благоприятный исход, который удовлетворит большинство.

– Но закон...

– Зимой закон – это *мы*. Я повторю еще раз, поскольку ты, похоже, не услышал: хоть это неприятно и уязвляет гордость, так лучше. А теперь мы отправляемся в Двенадцатый сектор, я переговорю с Токкатой и послушаю, что она скажет про весь этот бред с вирусными сновидениями, после чего мы

вернемся последним поездом, и я очень постараюсь забыть это, а ты очень постарайся больше так не облажаться. Тут есть что-нибудь для тебя непонятное?

Я молча смотрел на бузуки, чувствуя в груди щемящую пустоту. Неудача имеет свой собственный вкус – что-то вроде горячего липкого теста. Можно будет сказать в «Гибберт-е», что миссис Тиффен умерла в пути. Никто не задаст никаких вопросов. Лунатики умирают сплошь и рядом. Я поступил правильно, высказав свое мнение, однако у меня не было никакого желания растаптывать свою карьеру ради этой Шутницы.

Но тут прозвучал голос, отдельный и четкий, и все изменилось.

Знакомство с Авророй

*«...Обмен Услугами и Долгами становится самой распространенной валютой, поскольку в мире беззакония, царящем в разгар Зимы, наличные деньги практически полностью обесцениваются. Усложняет дело то, что Долги и Услуги можно обменивать, делить на части, продавать и даже использовать в качестве финансовых гарантий займа. Вложение это довольно рискованное – после смерти должника все Долги аннулируются. А что касается Консулов, они часто умирают...»
«Введение в зимномику», Наставление Зимних консулов, раздел 9А*

– Это было самое дерьмовое нравоучение из всех, какие мне только доводилось слышать! – произнес голос в противоположном конце зала.

Он принадлежал женщине, сидящей вместе с рабочими в форме «Гибер-тех», также дожидавшимися поезда. Ее черные волосы, тронутые серебром, были забраны в свободный хвостик, а лицо было молочно-бледным. На плече потрепанной камуфляжной формы красовалась нашивка 4-го Пустынного легиона, две «Колотушки» были готовы к тому, чтобы из них вели огонь с обеих рук, а шея была обмотана темно-бордовым платком, который носят те, кто принимал участие в Оттоманской кампании. Однако самым при-

мечательным в женщине был ее левый глаз, отсутствующим взглядом взирающий в сторону и вверх, – но в то же время ее правый глаз смотрел на нас с выводящей из себя пристальностью. Женщина вязала на спицах шапку с помпоном.

Опешив на мгновение, Логан уставился на нее.

– Ну, ну, ну, – наконец сказал он, – если ты *здесь*, Аврора, то кто же сейчас присматривает за воротами ада?

– Едва ли это можно считать оригинальным. – Встав, вязальщица подошла к нам. – Ну как тебе холостая жизнь?

У Логана вытянулось лицо. Я рассудил, что это та самая Аврора, глава службы безопасности «Гибер-тех», которая не ладит с Токкатой и, похоже, с Логаном тоже.

– Аврора, ты не имела права так поступать.

– Залейся слезами, Логан. Ты и Токката? У вас бы все равно ничего не получилось, и мы все это прекрасно понимаем. Я оказала тебе любезность.

– Ревнуешь меня, да? Тебе не нравится, что кто-то предпочел Токкату тебе?

Фран и остальные, пробормотав отговорки про «стирку» или «важный звонок», поспешно покинули зал.

– Значит, я ревную? – сказала Аврора. – А что ты можешь предложить? Второсортный Консул, разыгравший третьесортный водевиль, выдав четверосортный совет пятисортному Послушнику?

Старший консул молча смерил ее взглядом. В этой перепалке было что-то странное, но я никак не мог это ухватить.

Логан сдерживался, обдумывал каждое свое слово. До этого момента я не знал, что Логан и Токката собирались пожениться. Это давало пищу для размышлений.

— Аврора, что ты хочешь? — наконец сказал Логан. — Должно быть, это что-то очень серьезное, раз ты выползла из-под своего камня.

— Я хотела узнать, с какой целью ты направляешься в Двенадцатый сектор. Учитывая недавние события, это весьма безрассудный поступок.

— Я доставлял туда лунатика, — сказал Логан. — Я полагал, мой факс все объяснял.

— Ты мог направить туда кого угодно. В Двенадцатом секторе ничего не происходит, Логан, только обманутая Старший консул пытается раздуть пламя из давно остывших углей обреченной любовной связи.

— С какой стати ты вдруг так заботишься о Токкате? Аврора задумалась.

— Потому что, несмотря ни на что, она мне как сестра, а сестры помогают друг другу, невзирая на разногласия.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

— В любом случае, — продолжала Аврора, — лунатики-Шутники нужны «Гибер-теху» для проекта «Лазарь». Особенно такие, как та, которую упустил твой тугоум-Послушник. Вы должны ее вернуть.

— Она тебе нужна, *ты* ее и возвращай.

— Потому что ты не можешь?

– Она мертва, ты мне не нравишься, ты не попросила вежливо, я не люблю, когда меня принуждают, на улице холодно – выбирай сама. В Зимний период твоя юрисдикция на меня не распространяется.

Насчет юрисдикции Логан был прав, однако это не имело значения. Он *действительно* был в ответе за миссис Тиффен, а поскольку Аврора могла устроить ему серьезные неприятности, он будет вынужден отправиться на поиски. Логан сверкнул взглядом на меня, затем на Аврору, потом ему пришла в голову новая мысль, и он как-то хитро усмехнулся, что мне совсем не понравилось.

– Отлично, – сказал Логан, – это потрясающая возможность устроить Выпускной экзамен. Вот ему, Уортингу, поручается разыскать твою драгоценную покойницу. Как только это будет сделано – или не будет сделано – и если Чарли к тому времени еще будет жив, мы с ним отправимся в Двенадцатый сектор. Находясь там, я *встречусь* с Токкатой – и ты не сможешь нам помешать.

– Это все чушь собачья, – шагнула к нему Аврора, – а превращать важное задание в испытание для новичка – верх безответственности.

– До Засыпания еще тридцать два часа, – осмелился вставить я, – и я не провел Зимой еще ни одной минуты. Сомневаюсь, готов ли я...

– Ты готов, если я так говорю, – перебил меня Логан, – к тому же ты ее потерял, тебе ее и возвращать. Теперь это

твоя задача. Выполнишь ее – станешь Младшим зимним консулом, не выполнишь – отправишься ухаживать за скотом. Итак, каким будет твой первый шаг, Ясноокий?

Я словно вернулся назад в приют Святой Гренеты, где мне поручали невыполнимые задания – такие как забраться на крышу Главного зала без лестницы, или приготовить суфле, взяв вместо яиц цветную капусту, или прекратить склоки сестер Форд.

Я сделал глубокий вдох.

– Я... должен идти по следу.

– *Неправильно*, – ткнул пальцем мне в грудь Логан.

Мне не дали высказаться два приглушенных свистка локомотива. Осталось всего пять минут до отправления последнего поезда в Двенадцатый сектор.

– *Вот именно*, – подтвердил Логан. – Ты должен задержать поезд.

– Как это сделать?

– Положить свою голову на рельсы.

– А если серьезно?

– Я не знаю. Но сейчас решим так: если ты *не удержишь* отправление поезда, я пять раз сильно ударю тебя по голове.

– Пожалуй, в качестве наказания достаточно будет и одного раза.

– Я не собираюсь тебя наказывать, тебе нужен стимул. А *не получить* пять сильных ударов – это потрясающий стимул. Поверь мне на слово.

– Я подам официальную жалобу по этому поводу, – вмешалась Аврора.

– А почему бы и нет? – сказал Логан и, взяв куртку, направился к двери. – Не подведи меня, Уортинг.

– Постараюсь, – пробормотал я, гадая, как избежать *неизбежного* исхода.

Несомненно, Логан изначально был настроен на то, что я потерплю неудачу. Аврора какое-то мгновение пристально разглядывала меня своим единственным глазом, затем села за стойку рядом со мной.

– Не подведи *нас*, – ласково произнесла она, накрывая мою руку своей теплой ладонью. – «Гибер-тех» и я будем очень признательны, если ты выполнишь эту задачу, а наша признательность сама по себе может оказаться весьма ценной. Да, и послушай, я не хотела называть тебя «тупицей» и «пятым сортом» – это был лишь спектакль. Сиюминутный порыв чувств – а этот болван Логан здорово разозлился. Удачи тебе.

– Да... конечно, – пробормотал я. – Спасибо.

Схватив свою сумку и бузуки, я выбежал на третью платформу, где над паровозом в холодном воздухе поднимались клубы пара, выпущенные машинистом. Я нашел экспедитора во втором вагоне, спящего глубоким сном.

Под сомкнутыми веками Моуди шевельнулись глазные яблоки, экспедитор пробормотал во сне:

– Миссис Несбит, *пожалуйста*, оставьте меня в покое!

Это меня встревожило: нет ничего плохого в том, чтобы спать на людях, однако спать и *видеть сны* считалось неприличным. Я считаю себя очень терпимым, но тут даже мне стало как-то не по себе.

– Эй! – окликнул я, встряхнув экспедитора за плечо.

Он широко раскрыл глаза, и у него на лице появился испуг.

– *Ты не хочешь спускаться с камней!* – заорал он, стиснув мне руку с такой силой, что я едва не вскрикнул от боли.

– С каких камней?

– Спустишься с камней – и до тебя дотянутся руки, – в панике пробормотал экспедитор, вращая глазами вправо и влево с невозможной скоростью. – Ты не хочешь, чтобы тебя погребли заживо и... я Дон Гектор!

– Все в порядке, – успокоил его я, – и, поверьте, вы не Дон Гектор.

– А ты откуда знаешь?

– Вы совсем на него не похожи – и он умер два года назад.

– Он умер только в реальном мире, – возразил Моуди, – но не *здесь*.

Он прикоснулся к виску кончиком пальца.

– Да?

– Проклятие, – пробормотал экспедитор, внезапно приходя в себя. – Прошу прощения. Усталость. Недавно мы кое-кого потеряли, и мне, ну, приходится работать в три смены.

– Что вы имели в виду, говоря про погребение заживо?

– Ничего. Синий «Бьюик».

– Что?

– Что ты хотел сказать: «что»?

– Вы сказали про синий «Бьюик».

– Сказал? И что с того, если сказал? – с вызовом произнес Моуди. – И вообще, кто ты такой, чтобы наводить поклепы на то, где и как я сплю?

Рассказывая про вирусные сновидения, Логан упомянул синие «Бьюики». Если Моуди в самом конце сезона занимается грузовыми перевозками, он определенно прибыл из Двенадцатого сектора.

– Ладно, – хлопнул руками Моуди, – готов трогаться?

– Нет, – ответил я, мысленно взяв на заметку ни о чем не докладывать Логану. – Мне нужно доставить лунатика, и я хочу, чтобы вы задержали отправление поезда.

Моуди уставился на меня с полуулыбкой на лице. Пунктуальность являлась основополагающим принципом, которому все сотрудники Железных дорог поклялись служить, не щадя собственной жизни. Нередко это случалось в буквальном смысле.

– Вот как, – сказал Моуди, – и как я это должен сделать?

Он знал, как задержать отправление поезда, и мог бы не спрашивать. На самом деле речь шла только о цене.

– Как насчет Услуги?

Если Зимой от кого-нибудь срочно что-то требуется, единственным надежным платежным средством является

влияние. Услуга представляет собой просто общее содействие – деньги в долг, данные без лишних споров, аннулированный штраф за неправильную парковку, полцентнера макарон, если ты сидишь на мели и тебе не хватает несколько фунтов до нужного веса – в таком духе. Однако мое предложение не произвело на Моуди никакого впечатления.

– При всем своем уважении, Послушник консула, – сказал он, – за Услугу с твоей стороны в Двенадцатом секторе свиных шкварок не купишь.

Я подумал было о том, чтобы пять раз ударить его по голове.

– Тогда... *Долг*.

Экспедитор удивленно поднял брови. Долг ценится дороже услуги в пятьдесят раз. Можно на день-два получить Консула в полное распоряжение.

– Похоже, тебе очень нужна эта Отсутствующая, – заметил Моуди.

– Мне необходимо ее найти и вернуть.

– Ну хорошо, – презрительно хихикнул он, и его поведение стало другим, – договорились. Я заново проверю груз; вероятно, на это мне потребуется час.

Поблагодарив его, я выбежал на стоянку перед вокзалом и нашел водителя такси, ждущего меня. У него над лысиной смешно поднимался пар. Миссис Тиффен отвезли в Дормиториум «Джон Эдвард Джонс»⁴⁹, расположенный минутах в

⁴⁹ Леннард-Джонс, Джон Эдвард (1894–1954) – видный английский физик- и

десяти езды отсюда.

– Это будет стоить пятьдесят евро, – сказал водитель, когда я попросил отвезти меня туда.

– Я заплачу, когда мы вернемся.

Обернувшись, он смерил меня взглядом.

– Ты Послушник, решивший отобрать Шалунию у Лакея в Дормиториуме на Пепелище?

– Да, и что с того?

– Ты платишь вперед.

Вздохнув, я протянул ему пятидесятку, и мы тронулись.

«Джон Эдвард Джонс»

«...Объединенная компания Электричества и Освещения заботится о своих сотрудниках. Единственная среди Коммунальных служб, она до сих пор с августа по Засыпание предлагает двойные порции пудинга, и от желающих устроиться на работу нет отбоя. Забудьте о пенсиях, премиях и пуховых одеялах; выбор определяет пудинг с джемом и заварным кремом...»

Корпоративная история ОКЭО

По мере того как мы отъезжали от города все дальше на север, запах дыма и гари усиливался, и вскоре вокруг уже простиралась унылая выжженная пустошь. Мы проехали мимо рядов таунхаусов, от которых остались одни остовы, и шахт, почерневших от бушующих десятилетиями пожаров, мимо сгоревшей эстрады и брошенных машин, чьи кузова проржавели настолько, что превратились в бурые вафли. Я обратил внимание на то, что после сугробов высотой восемь футов, наметенных в городе, снежный покров становился все тоньше и тоньше, и наконец снега и льда не осталось совсем, а деревья лишились листвы не из-за приближения Зимы, а *выгорели*.

— Мы уже в зоне пожара? — с легкой дрожью в голосе спросил я.

– Мы здесь называем это место Пепелищем.

Через пять минут ландшафта в угольно-черных тонах мы остановились перед Дормиториумом, единственным из семи, стоящих рядом, который оставался обитаемым; прочие сгорели и были брошены. «Джон Эдвард Джонс» был выше своих соседей – по меньшей мере сорок этажей, судя по виду, типичный К-14: комбинированная Ночлежка, место, где можно залечь в зимнюю спячку или экономно переночевать. Обслуживающий персонал был готов в любой момент пробудить Зимовщика, опрометчиво провалившегося в бездну слишком глубоко. И здесь, за городом, на Пепелище, расценки должны были быть невысокими. Захватив бузуки, я выбрался из машины, и тотчас же меня ударил горячий воздух. В Кардиффе и Мертуре было градусов десять ниже нуля, однако здесь температура приближалась к Нижнему идеалу. Дым, более плотный, чем в Мертире, висел над дорогой сизой пеленой, кое-где пронизанной желтоватыми языками ядовитых сернистых испарений. Оглядываясь вокруг, я увидел, как внезапно вспыхнуло пламенем мертвое дерево на гребне холма.

Когда я вошел в Зимнюю гостиную, меня встретил хор приглушенных голосов. Хотя я не увидел спящих, чувствовалось, что они где-то рядом. Есть в Дормиториуме что-то такое, что выдает их присутствие. Едва уловимый запах тухлых яиц, привкус, неясный звук – *ощущение*.

Вестибюль был тускло освещен редкими слабыми лампоч-

ками, однако это компенсировалось радушным оранжевым теплым заревом от камина. Сидящая за столиком привратница с удивлением подняла на меня взгляд. У нее были роскошные золотисто-рыжие волосы, нос с очаровательной горбинкой и очки.

– Еда, койка, стирка, выпивка, снотворное, рулетка, петушиные бои или покер?⁵⁰ – спросила она, быстро перебирая все варианты.

– Ничего, – сказал я. – Я ищу одного Лакея. Лет пятидесяти, среднего роста, в поношенном камуфляже. Пришел сюда с мертвой женщиной.

– Что, притащил ее в мешке для трупов или как?

– Нет, это была женщина-лунатик.

– В этом уже больше здравого смысла, – сказала женщина, – ненамного, но больше. Дайте-ка я сама догадаюсь: вы хотите ее вернуть?

Я вздохнул. Похоже, Зимой никто не относился с уважением к Зимнему консулу и не оценивал меня высоко. Быть может, все дело было не в форме, а в решительности того, на ком она надета.

– Да, я хочу ее вернуть. Как вы сказали, в каком номере?

– Я ничего не говорила. Хотите совет?

– Вы предлагаете мне убратся отсюда побыстрее?

– Совершенно верно.

⁵⁰ В соответствии с какой-то юридической причудой в зонах пожара законы об азартных играх не действовали в течение двадцати дней до и после Зимы.

– Спасибо, такой совет мне не нужен.

Пока я размышлял над следующим своим шагом, из Зимней гостиной вышел мужчина, направившийся к лифтам, и в легком дуновении переместившегося воздуха я уловил слабый аромат карболового мыла. Запах чистоты прилипает к медицинским работникам так же прочно, как запах дрожжей к пекарю. Если Фулнэп собирается использовать миссис Тиффен для отправки на ферму по воспроизводству потомства, для этого потребуются большие деньги и тщательный уход, – поэтому первым делом ему нужен врач, чтобы определить, сохранила ли она свои детородные способности. Мне достаточно будет проследить за этим медиком, и он приведет меня прямехонько к Фулнэпу.

– Послушайте, – обратился я к привратнице, – если я не вернусь через тридцать минут, свяжитесь с Консулом Логаном, он в «Миссис Несбит» на вокзале, и сообщите, что ему нужен новый Послушник.

– Может быть, позвонить ему прямо сейчас?

Я сверкнул на нее глазами, однако это не произвело никакого впечатления.

– Ладушки, дружок, – бросила женщина, возвращаясь к своему журналу.

Взяв бузуки, я шагнул следом за медиком в кабину лифта, улыбнулся, извинился и вторично ткнул ту кнопку, которую, как я успел заметить, он только что нажал, – двадцать первый этаж. Двери закрылись, и я поймал себя на том, что у

меня гулко заколотилось сердце. Я увидел, что у мужчины под курткой медицинский халат; он подозрительно покосился сперва на меня, затем на бузуки. Наверное, о лучшей маскировке нельзя было и мечтать. Зимние консулы не ходят с музыкальными инструментами. А если и ходят, то никак не с бузуки. Может быть, с альтом. Или с тубой.

– У меня была тетка, которая играла на гитаре, – сказал медик.

– Это не гитара, – спокойным голосом произнес я, чем удивил самого себя.

Он глубоко вздохнул.

– Это была не моя тетка. Зимний артист?

Я принялся лихорадочно соображать.

– Я участвую... в пантомиме с лошадьёю.

– И какая у вас роль?

– Я – задница. Наш конский гавот – просто умора.

– Постараюсь как-нибудь посмотреть.

Двери кабины открылись на двадцать первом этаже. Я шел по вытертой ковровой дорожке за мужчиной в белом халате до двери в спальню, где пожелал ему хорошо выспаться, после чего направился дальше, пока меня не скрыл изгиб коридора. Дождавшись, когда щелкнет замок, я вернулся к двери и прислушался. Внутри слышались голоса, и я испытал смесь облегчения и тревоги, безошибочно узнав голос Фулнэпа.

Достав из кобуры «Колотушку», я отметил, что у меня

трясется рука, убрал оружие назад и вернулся в холл перед лифтами, где принялся расхаживать взад и вперед, размышляя над тем, действительно ли высокие идеалы являются *роскошью* – далекой целью, а не чем-то таким, к чему нужно нестись опрометью в свою первую Зиму. Я мог бы развернуться и уйти, сказать Логану, что не нашел миссис Тиффен, и на том бы все закончилось. Я начал бы службу надлежащим образом, живым и усвоившим важный урок.

Я прижался лбом к холодным дверям лифта. Сестра Зиготия была суровым опекуном – а когда она в бане брала в руку мочалку, то становилась просто ужасной, – но она неизменно повторяла, что человек должен идти по пути добродетельности и чести *во что бы то ни стало*. Если я сейчас развернусь и уйду, это будет не началом моей карьеры, а ее концом.

Собравшись с духом, я снова достал «Колотушку» и, стараясь не обращать внимания на тугой комок страха и тошноты в груди, вернулся по коридору назад. Остановившись перед дверью комнаты Фулнэпа, я дрожащей рукой отпер ее своим Всеключом и распахнул настежь.

Фулнэп разговаривал по телефону. Медик, с которым я поднимался в лифте, стоял в стороне; он вздрогнул, увидев меня. На стуле сидел третий мужчина, скандинавского вида, со свежим следом от обморожения на щеке. Увидев меня, Фулнэп, не обращая внимания на направленную на него «Колотушку», просто сказал своему собеседнику, что «один

долбаный козел вздумал тут мешаться» и он ему перезвонит.

– Во имя всей бесполезной храбрости на свете, Уортинг, ты ли это?

Похоже, он был не столько встревожен, сколько удивлен.

– Ты можешь делать то, что хочешь, – дрогнувшим голосом сказал я.

– Могу? – расслабившись, повторил Фулнэп. – Тогда зачем ты сюда появился?

– Я разговаривал *с собой*, – хрипло произнес я. – Я хотел сказать, что ты *не можешь* делать то, что хочешь.

Я видел, что у меня трясутся руки, чувствовал ползущие по спине струйки холодного пота. Фулнэп был прав. Я действительно долбаный козел. Мне нужно немедленно уходить отсюда.

– Вот так уже понятнее. Итак, почему я не могу делать то, что хочу?

– Потому что...

Ба-бах!

Я не следил за Фулнэпом. Тот выхватил свою «Колотушку» и взвел курок быстрее, чем я успел сообразить, что происходит. Я только почувствовал ударную волну, разрывающую воздух, и тут меня оторвало от земли и швырнуло спиной на стул, стоявший рядом с дверью, отчего тот превратился в щепки. Я упал на пол, оглушенный ударом головой о стену рядом с выключателем.

– Кальмары, – донесся из ванной голос миссис Тиффен.

Вернувшееся зрение открыло мне Фулнэпа, застывшего надо мной с раздраженным лицом. Отобрав у меня оружие, он печально покачал головой.

– Знаешь, когда тебе дают хороший совет, – сказал он, – гораздо лучше следовать ему.

Напарник Фулнэпа, тот, что с отмороженной щекой, поднялся на ноги и достал из вещмешка оружие. Только это был не пистолет, а «Кувалда» мощностью двадцать килоньютонов, обыкновенно используемая для разгона бунтовщиков, а также для пробивания дренажных отверстий в снежных буранах. Младшего консула Клаар долго колотили чем-то подобным рядом с «Ночным ревом». Под мощными ударами все ее внутренности стали жидкими, и к тому времени, как мы ее обнаружили, они вытекли из тела, собрались лужицей у нее под ногами на полу машины и застыли на морозе. Ее пришлось забирать в морг с примерзшим к ногам ковриком.

Фулнэп помог мне усесться, и я потрогал разбитую в кровь губу.

– Поверь, когда я начинал, я был таким же зеленым, как ты, – ласково произнес он, оттягивая мне нижнее веко, чтобы осмотреть глазное яблоко – простейший способ проверить, остались ли какие-либо последствия шока, – полным восхитительных благих намерений, но глупость моя своей бесконечностью была под стать Зиме.

Лакей долго смотрел на меня, затем взял мою «Колотуш-

ку», вытащил штифт освобождения затвора, повернул циклонную камеру и вытащил назад трубку Вентури. Через считанные мгновения мое оружие было разобрано на пять частей. Фулнэп с металлическим грохотом высыпал их мне в карман, в завершение подчеркнуто театральным жестом бросив туда энергетический элемент.

– Я скажу тебе, что я собираюсь сделать, – сказал он. – Ты абсолютно никчемная очень-преочень маленькая рыбешка, поэтому я просто тебя выброшу. Так всем будет хорошо: тебе не придется умирать, а мне не придется тебя убивать. Мы договорились? Естественно, подразумевается, что ты не промолвишь об этом ни слова.

Я молча смотрел на него. У меня во рту стоял привкус крови, голова сильно болела, однако в линзу полного провала внезапно с болезненной нелогичной резкостью я увидел свои дальнейшие действия: раз я не могу уйти отсюда вместе с миссис Тиффен, *я отсюда вообще никуда не уйду*. Моя жизнь завершится здесь, в огненной долине к северу от Мертира, в попытке защитить мертвую женщину, не способную понять, что я пытаюсь спасти ее от участи, которая ее ничуть не беспокоила. Быть может, именно в этом и заключается служба Зимним консулом. Защищать неотъемлемые права тех, кто об этом даже не подозревает.

– Никакой сделки не будет, – хрипло произнес я, чувствуя, что во рту у меня пересохло от страха. – Миссис Тиффен уходит со мной. И да, естественно, мы забудем о том, что это

произошло.

Фулнэп уставился на меня, не в силах поверить собственным ушам, а я сделал выдох и открыл рот. Воздействие ударной волны можно ослабить, если открыть для воздуха все пути. Однако этого не произошло.

– Черт возьми, что здесь происходит? – раздался голос у меня за спиной, от двери.

Это был Логан. Внезапно я ощутил недостижимое облегчение – такое, что на глазах навернулись слезы. Я был спасен.

Но только на самом деле я не был спасен. Ни в коей мере. Ни капельки.

– Джек, я тут не виноват! – оправдываясь, произнес Фулнэп. – Ты же сам говорил, что у твоего нового Послушника кишка тонка.

– Похоже, я недооценил толщину кишок Уортинга, – согласился Логан, взглянув на меня, как мне показалось, с уважением. – Это моя вина – я не должен был позволять Чарли даже *пытаться* искать миссис Тиффен.

Закрыв глаза, я ощутил холодную дрожь страха. В голосе Логана прозвучали какие-то новые интонации. Только сейчас до меня дошло, почему я до сих пор не сдавался: каким-то образом я чувствовал, что Фулнэп не пойдет на убийство. А вот Логан пойдет. Он заранее связался с Фулнэпом, поручив ему выкрасть у меня миссис Тиффен, когда мы будем делать пересадку в Мертире, чтобы тем самым обеспечить себе алиби. Несомненно, они с Фулнэпом вместе участ-

вуют в махинациях с воспроизводством. И все должно было пройти согласно плану – если бы не вмешался я.

– Может быть, этому Послушнику можно доверять, – сказал человек с «Кувалдой». Похоже, у него сменилось настроение. – Когда я за это брался, я не подписывался убивать Консулов.

– Тут я на стороне Лопеса, – подхватил Фулнэп, озвучив имя третьего присутствующего.

– Мы не можем рисковать, – сказал Логан. – К тому же Аврора в городе.

Лопес и Фулнэп испуганно переглянулись.

– Вот как? – спросил Фулнэп. – И каким образом она о нас прознала?

– Еще неизвестно. Я разберусь с Уортингом, вы разберетесь с миссис Тиффен. Вставай, Чарли.

Я с трудом поднялся на ноги, и Логан жестом приказал мне выйти из комнаты.

– Тебе следовало послушаться моего совета, – сказал он, когда мы шли по круглому коридору, – и просто не лезть куда не просят.

Мы остановились перед лифтами, и Логан нажал кнопку вызова.

– У меня к вам одна просьба.

– Какая?

– Вы сообщите сестре Зиготии, где мое тело?

– Ты излишне все драматизируешь, Уорт...

Дзинь.

Звякнул колокольчик, двери кабины открылись, и перед нами предстала Аврора. На какое-то мгновение она совершенно опешила, затем ее руки метнулись к «Колотушкам». Однако у Логана было преимущество, и он успел повернуть оружие в ее сторону. Ничто не мешало ему выстрелить в упор, он уложил бы Аврору наповал – *однако он не был достаточно проворным.*

То, что произошло дальше, растянулось, словно в замедленной съемке: я распластался на полу, и тотчас же сдвоенные ударные волны ⁵¹, вырвавшиеся из оружия Авроры, порывом ветра дернули за мою одежду, прежде чем ударить в грудь Логана; я услышал, как с глухим треском весь до последнего атома воздух вытолкнуло из его легких, затем увидел, как его с невероятной скоростью швырнуло в противоположную стену со звуком полена, падающего на влажную листву.

Последовало мгновение паузы. Логан все еще стоял прямо, частично впечатавшийся в штукатурку по дранке, с выражением горькой обреченности на лице. Белки его глаз стали ярко-алыми от лопнувших кровеносных сосудов. Аврора извлекла использованные элементы питания из рукояток своих «Колотушек» и тотчас же перезарядила их; воздух на-

⁵¹ Опытные стрелки используют одновременно сразу два импульсных оружия, чтобы более точно и действенно сфокусировать вихревые кольца. Однако в руках неопытного новичка такое нередко приводит к смерти или серьезной травме.

полнился сладковато-приторным запахом горячего электролита, смешанного с дымом.

– Блин, – пробормотал я, радуясь внезапной перемене своей судьбы и за неимением лучшего указывая на очевидное, – вы только что убили Джека Логана.

– Блин, – пробормотала Аврора, удивленная не меньше меня, – и правда убила. Токката будет просто *в ярости*. – Шагнув к впечатанному в стену Логану, она пожала плечами и добавила: – Ну тут уж ничего не поделаешь.

– С чем ничего не поделаешь? – спросил я, поднимаясь на ноги. – С тем, что Логан мертв, или с тем, что Токката будет в ярости?

– И с тем и с другим. Куда он тебя вел?

– Думаю, он собирался меня убить.

– В таком случае ты обязан мне жизнью. Веди меня к Шалунье, хвастунишка, нам нужно успеть на поезд. И вот что: говорить будешь ты, а я только буду стоять в стороне с угрожающим видом. Да?

Кажется, я был оглушен. В шоке. Мне еще никогда не приходилось видеть смерть. Такое выпадает немногим. Потому что старых, слабых и больных отсеивает милосердная рука Зимы, и все те, кто на моей памяти умирал Летом, погибали в результате несчастных случаев, чем, вероятно, объяснялся прямо-таки абсурдный общественный интерес к жертвам автомобильных катастроф. Через две недели после того, как я поселился в «Черной мелодии», на улице кого-то сбил мусо-

ровоз. Сквозь толпу зевак невозможно было протолкнуться.

– Ладно, – сказал я.

Подкрепившись бесстрашием Авроры, я направился обратно по коридору. Как только мы вошли в комнату, тип с «Кувалдой» вообразил, что ему нужно действовать, однако выстрел одной из «Колотушек» Авроры оторвал ему руку в плечевом суставе. Не теряя ни мгновения, Аврора шагнула вперед и приставила второе оружие к лицу Фулнэпа.

– Ну хорошо, хорошо, – сказал тот. В голосе его прозвучал непокорный вызов, однако реальность диктовала свои требования. – Что вам нужно?

– Миссис Тиффен, – сказал я.

– Ты совершаешь серьезную ошибку, Уортинг. Авроре нет до тебя никакого дела.

– А вам?

– Ты не поймешь!

– Ты кажешься мне знакомым, – сказала Аврора, обращаясь к Фулнэпу. – Я тебя знаю?

– Нет, – ответил тот, – я простой Лакей, стараюсь заработать себе на жизнь.

– Делай это каким-нибудь другим способом. Например, крась стены домов, чини водопровод или изобрети настольную игру вроде «дженги» или «клуэдо» ⁵².

⁵² «Дженга» – настольная игра, игроки по очереди достают блоки из основания башни и кладут их наверх, делая башню всё более высокой и всё менее устойчивой. «Клуэдо» – настольная игра, участники которой раскрывают преступление. (Прим. переводчика.)

Фулнэп направился в ванную, а медик занялся раной Лопеса. Через минуту в комнате появилась миссис Тиффен, как и прежде, совершенно ничего не соображавшая. Я вручил ей бузуки, лежавшую на полу, и она тотчас же начала играть «Помоги себе сам». Мы направились к лифтам.

Когда такси высадило нас у вокзала, поезд все еще стоял у платформы. Моуди затягивал храповики, закрепляя на платформе груз, а стоящий рядом начальник станции с нескрываемой тревогой смотрел на большие карманные часы.

Мы успели вскочить в вагон за считанные секунды до отправления.

Через горы

«...Зима по необходимости является суровым садовником. Она пропалывает слабых и пожилых, больных и физически неполноценных. Были предприняты попытки с помощью «Проактивной Зимней поддержки» повысить выживаемость тех, кто обладает высоким интеллектом при слабом здоровье, однако для основной массы населения эта методика остается слишком дорогой и неэффективной. Только сильные и богатые могут надеяться встретить Весну...»

Из выступления Джеймса Сливвелла ⁵³ против выдачи «морфенокса» всем желающим.

Вскоре поезд катил на север в направлении Двенадцатого сектора. Густой дым от горящих угольных пластов просачивался в вагон ядовитым туманом, заставляя нас кашлять. Однако наши неудобства оказались временными, ибо за пределами Валлийского угольного района дым рассеялся, и поезд снова покатился по пологим холмам среди замерзших озер, каменоломен и рощ чахлых дубов, щедро укрытых снегом.

Однако меньше всего я в настоящий момент думал о красотах пейзажа. Я сидел в углу купе в состоянии полного оцепенения. Пальцы на руках казались огромными, распухши-

⁵³ Говорящая фамилия: sleep well – приятного сна. (Прим. переводчика.)

ми, грудь была сдавлена такой тяжестью, что мне пришлось расстегнуть куртку и рубашку. Мне было трудно глотать, а сердце никак не желало успокоиться. Миссис Тиффен, как это ни странно, теперь исполняла «Далилу». На самом деле эта песня сейчас звучала к месту. Не стихи, а мелодия Тома Джонса, пусть и исполненная на бузуки, под мерное постукивание колес. Минут десять я пытался успокоиться, однако добился этого только в ограниченной степени, после чего я принялся собирать свою «Колотушку», и как раз когда я закончил, послышался голос:

– Не возражаешь, если я к тебе присоединюсь?

Это была Аврора; не дожидаясь ответа, она села.

– Без вас меня бы убили, – сказал я. – Спасибо.

– О, пустяки, – сказала Аврора, словно она лишь угостила меня батончиком «Сникерс» или отдала ненужный билет в зоопарк. – Знаешь, – добавила она, – меня тревожит, как бы Токката не устроила скандал и не наделала глупостей. Похоже, Логан ей действительно нравился, несмотря на то, что он был заносчивым придурком.

Странно, я не знал, как к этому относиться. Разумеется, последствия будут страшными – нельзя просто так взять и убить одного из ведущих Старших консулов страны, обязательно будут вопросы, – и хотя я уважал Логана и он был мне симпатичен, его причастность к мошенникам, занимающимся воспроизводством, была... ну достойна осуждения; к тому же он собирался меня убить, поэтому я не *слишком*

сожалел о его смерти. Однако и не радовался.

– Даже не знаю, создан ли я для этого, – сказал я.

Смерив меня взглядом, Аврора улыбнулась.

– Зимой нет героев, есть только те, кому посчастливилось выжить. К тому же ты сдал Выпускной экзамен. Теперь ты оперившийся Зимний консул.

Это достижение показалось мне пустым.

– Мой наставник едва не убил меня, и если бы не ваше вмешательство, он меня бы убил. Мой вклад в спасение миссис Тиффен был в лучшем случае минимальным. По-моему, едва ли можно считать, что экзамен пройден.

– Цель достигнута, – с улыбкой возразила Аврора, – а по большому счету только это и имеет значение, особенно Зимой. Зачем Логан хотел увидаться с Токкатой?

– Что-то связанное с синими «Бьюиками» и вирусными сновидениями.

– Полная чушь, – презрительно бросила Аврора. – Никаких вирусных сновидений нет и в помине!

– Но...

– Что, – перебила меня она, – у тебя есть какие-либо свидетельства того, что вирусные сновидения *существуют*?

Я рассказал ей про то, как Моуди бормотал что-то о синих «Бьюиках», миссис Несбит и тянущихся к нему руках.

– Моуди из железнодорожной службы?

Я кивнул.

– И, – добавил я, вспоминая учебные курсы, – согласно

положению СХ-70 о Преемственности приказов и распоряжений, я должен продолжить расследование, начатое Старшим консулом Логаном, или по крайней мере навести справки.

– О вирусных сновидениях? Совместно с Токкатой?

– Получается так.

Аврора потрепала меня по плечу.

– Вот тебе мой совет. Сплавь девчонку с бузуки в «Гибер-тех» и сядь на последний поезд домой. Зимние консулы Двенадцатого сектора – это змеиное гнездо, *особенно* Токката. Тебе не нужно связываться с ними.

Я уже слышал это не первый раз.

– А правда, Токката съела лунатиков, чтобы продержаться до конца Зимы?

– Содержала их живыми до тех пор, пока они ей не понадобились, насколько я слышала, и с тех пор пристрастилась к ним. Ты больше ничего не можешь вспомнить о тех двух преступниках, которые собирались пустить на воспроизводство девчонку с бузуки?

– Их было трое, а не двое.

Какое-то время Аврора пристально смотрела на меня своим единственным глазом, в то время пока второй вращался сам по себе.

– Она находилась слева, так?

– Он. Медик.

– Тогда понятно, – сказала Аврора, указывая на свой бес-

полезный глаз. – То, что слева от меня, я вижу плохо.

Она показала мне набросок в своем блокноте. Как и следовало ожидать, это была половина лица – лица Фулнэпа.

– Тот, кто забрал женщину-лунатика. Это он?

Я кивнул, и Аврора убрала блокнот в нагрудный карман.

– Логан промедлил, – задумчиво произнес я, – как будто не хотел вас убивать. Почему?

– Понятия не имею, – сказала Аврора, – но для тебя очевидный выигрыш, что он так сделал, а для него очевидный проигрыш. Помни, что я тебе говорила про Зимних консулов Двенадцатого сектора – особенно про Токкату.

Попрощавшись со мной, она вышла из купе, оставив меня наедине со своими мыслями. Приблизительно через полчаса поезд остановился на верхней станции Торпанту.

Пока железнодорожные работники готовили тормоза для спуска, пассажиры и груз оставались на своих местах, и скоро мы снова тронулись, сначала по тоннелю протяженностью в милю, пробитому через вершину горы, затем мимо потрепанного непогодой указателя, извещающего о въезде в Двенадцатый сектор, а далее последовал затяжной спуск с небольшой скоростью. По эту сторону от гребня снегопад прекратился, и в сумерках я с трудом различал силуэты высоких гор, вершины которых были покрыты мягким снежным покрывалом. На крутых поворотах можно было отчетливо увидеть впереди за пять вагонов красные отсветы паровоза. Время от времени весь состав вздрагивал, когда снеж-

ный плуг врезался в глубокий нанос, а мимо окон светлячками пролетали вырывающиеся из трубы искры.

Я скормил мертвой женщине полдюжины заварных пирожных, и она, к великой моей радости, провалилась в Ступор, что явилось благодатным облегчением. Я встал, чтобы размять ноги, и прошел до конца вагона, где нашел Моуди. Он смотрел в окно, погруженный в глубокие раздумья. Когда я остановился рядом с ним, он поднял взгляд.

– Я должен отдать вам вот это, – сказал я, протягивая ему листок бумаги с описанием характера обещанного мною Долга: имя кредитора, дата, подпись.

– Все чисто, – сказал экспедитор, убирая расписку в нагрудный карман. – Присоединишься ко мне?

Я устроился так, чтобы мне было видно, если миссис Тиффен вздумает куда-нибудь отправиться или начнет жевать обивку сиденья.

– Как тебе удалось вернуть Отсутствующую? – спросил Моуди.

– Наверное, просто доброе старое упорство.

– Нет, серьезно, – настаивал Моуди, успевший меня раскусить, – как тебе удалось ее вернуть?

– В критический момент вмешалась Аврора и спасла меня.

– Тогда понятно, – сказал Моуди. – Это также означает, что ты перед ней в долгу. Плохая привычка Зимой влезать в Долги.

– Я должен *вам*, – сказал я.

– Верно, – согласился он, – и даже это не в твою пользу. Доставив по назначению женщину-лунатика, ты вернешься домой?

– После того как поговорю с Токкатой про вирусные сновидения.

Испуганно вздрогнув, Моуди оглянулся по сторонам. Нагнувшись ко мне, он понизил голос.

– Я могу тебе кое-что рассказать про вирусные сновидения, – сказал он, – но позже, наедине. Я буду в баре в гостинице «Уинкарнис». Найти легко – она на центральной площади. И берегись «Гибер-теха». Все эти разговоры про «спасителей человечества» полный вздор – «Гибер-тех» интересуют только деньги. Дон Гектор по большей части был верен своим идеалам, однако его преемники быстренько запрягли его мечту и превратили ее в кошмар. А проект «Лазарь» только все усугубит.

– Что такое проект «Лазарь»?

– То небольшое, что мне известно, я расскажу тебе потом в «Уинкарнисе». Но будь осторожен в Двенадцатом секторе: есть в нем что-то нехорошее.

– Нехорошее?

– Странное. Жутковатое. Помнишь все эти страшные Зимние легенды и сказки, которые ты слышал в детстве? Про Зимний люд?

Я понял, что2 именно он имел в виду; долгие годы я был

очарован этими легендами, и не только их странностью, но и разнообразием: от Термозавров, питающихся человеческим теплом, до Зимних сирен, которые поднимают спящих с постели обещаниями песен, танцев и прочих наслаждений, но затем оставляют их умирать от истощения и обезвоживания. Сказками про Домовых, карликов, которые ночью тайком пробираются в спальню и похищают зубы, деньги и пальцы на ногах. Про Игрока, способного проходить сквозь стены, который пожирает со спящего весь жир, оставляя пустой мешок с костями, и Штуковину, которая проникает человеку в ухо и откладывает там личинки, порождающие червей, питающихся его сновидениями.

Все это было забавно, но самой любимой у меня была Грымза. Питающаяся стыдом недостойных, складывая постельное белье и напевая популярные мотивчики Роджерса и Хаммерстайна, она обладала определенной вдохновляющей непредсказуемостью.

– Да, – подтвердил я, – я слышал про Зимний люд.

подавшись вперед, Моуди тронул меня за колено, понижая голос до шепота.

– *В Двенадцатом все это становится явью.* Они существуют там в реальности. Центральный Уэльс – колыбель сказок, выкованных погруженным в сон сознанием спящих.

– Хорошо-о, – протянул я.

Очевидно, его опьянение выходило за рамки одних только синих «Быюиков», отрубленных рук и погребения заживо.

– Я говорю серьезно, – настаивал Моуди. – Привратник Ллойд из Дормиториума «Сиддонс». Слышал о таком?

– Нет.

– Он встретил Грымзу. Или по крайней мере подошел настолько близко, что можно было к ней прикоснуться.

– Продолжайте.

Моуди откашлялся.

– Жил когда-то Зимний фермер по имени Икабод Блок, у него была ферма рядом с Райдером, недалеко от того места, где ледник превращается в талую воду, и вокруг на многие мили нет ни одной живой души. Говорят, этот Икабод был человек неприхотливый, молчаливый, недовольный своей участью, и были у него жена по имени Мария и дочь по имени Гретель. Но однажды, пару лет назад, они ушли неведомо куда, и с тех пор Икабод стал угрюмым и замкнутым, и мало кому хотелось говорить с ним и терпеть его общество.

– Была у нас в приюте одна такая, – вставил я, вспоминая сестру Зачатию ⁵⁴.

– Однажды Зимой, – не обращая внимания на мое замечание, продолжал Моуди, – Икабод связался с одним своим знакомым по фамилии Ллойд, которому уже на протяжении нескольких лет был обязан своей жизнью, и сказал, что его «страшно донимает» Зимний люд. Ллойд уже лет десять ра-

⁵⁴ Сестра Зачатия жила в сарае, где стояла бензокосилка, и держалась замкнуто. Политика Совместной заботы о детях привлекает не только тех, кто любит детей.

ботал привратником, поэтому ужасы Зимы его больше не пугали. Он считал Зимний люд досужими выдумками старых прачек, темой пересудов в пивных.

«С чего ты взял, что это Зимний люд?» – спросил Ллойд при встрече.

«На прошлой неделе кто-то подровнял рога впавшим в спячку лосям и причесал шерсть шести из восьмидесяти девяти мамонтих. А в доме, – продолжал Икабод, – из мюсли выбрали весь изюм, украли любимую пластинку Гретель, а все книги в шкафу переставили».

«В алфавитном порядке?» – спросил Ллойд.

«Нет – согласно художественной ценности».

«А».

На подобную вызывающую дерзость был способен только Зимний люд.

План был прост: привратнику Ллойд предстояло дежурить у сарая Икабода от заката до восхода, сидя в кожаном кресле.

– Икабод хотел использовать его в качестве Приманки для люда? – спросил я.

– Именно, – подтвердил Моуди, – поскольку по давнему обычаю все привратники евнухи, а Зимний люд славится своей любовью к физически неполноценным. Однако сам Икабод спрятался в десяти ярдах по ветру от Ллойда, за несколькими кипами сена, держа наготове «Кувалду», горя нетерпением расправиться с незванными гостями. Приврат-

ник Ллойд должен был быть начеку и чуть что поднять тревогу.

Я обратил внимание на то, что другие пассажиры прекратили разговоры и обступили нас, слушая рассказ экспедитора.

– Но заснуть было невозможно, – продолжал Моуди. – Привратник Ллойд сидел с широко раскрытыми глазами, вслушиваясь в крошечную темноту. Единственным светом были слабые отблески неба, озаренного звездами Зимней ночи. Ни звука не нарушало тишину. Ни шороха, ни треска сломанной веточки, ни даже ворчания испуганного мамонта. Укутавшись в теплый пуховик, Ллойд размышлял о своей жизни, о своих чаяниях, неудачах и о том, что ему никак не удастся выбросить из головы навязчивую мелодию «Одинокого пастуха»⁵⁵.

Умолкнув, Моуди отпил глоток из термоса на поясе и продолжал.

– Когда серый рассвет уже гнал перед собой ночную темноту и мир снова начинал шевелиться, пробуждаясь, Ллойд внезапно встрепенулся. Последние два часа он проспал, и сейчас его разбудил крик Икабода. Два слова, совершенно отчетливых, в которых Ллойд не нашел никакого смысла. Зевнув, он потянулся и окликнул Икабода. Однако ответа не последовало, и после недолгих поисков Ллойд обнару-

⁵⁵ Первая песня со второй стороны пластинки с музыкой из фильма «Звуки музыки».

жил «Кувалду» Икабода, со снятым предохранителем, но неразряженную, и всю его одежду, аккуратно разложенную на земле, по-прежнему одна вещь внутри другой, словно русская матрешка. Носки были засунуты в ботинки, помочи по-прежнему пристегнуты поверх рубашки, рядом с часами маленькая горка зубных пломб.

– А сам Икабод пропал? – спросил кто-то из пассажиров.

– Бесследно исчез. Ллойд вызвал Зимних консулов, но те прекратили поиски через три дня, найдя лишь шапку Икабода, воткнутую между ветками на вершине дуба в двух милях от дома. Они решили, что ночью ему приснился кошмарный сон, он потерял рассудок и бежал. На смену Икабоду был прислан новый фермер, а его исчезновение остается загадкой и по сей день.

– Какие два слова произнес Икабод? – спросил я, наперед зная ответ.

– Он сказал: «О, Грымза», и при этом... при этом устало вздохнул, словно принимая неизбежное.

В вагоне наступила тишина, воздух был насыщен страхом и растерянностью. Грымза лишь недавно была добавлена в число Зимнего люда, и я еще не слышал о ее первом появлении. Я выглянул в окно. Поезд спустился вниз и теперь мчался по берегу замерзшего водохранилища, славящегося каменной плотиной и фильтровальной башней в готическом стиле. Я обернулся к Моуди, понимая, что рассказ еще не закончен.

– Это ведь еще не все, правда? – спросил я, и Моуди кивнул.

– Прибывший на смену Зимний фермер обратил внимание на то, что в течение нескольких недель вкус воды стал горьким. Поэтому он поднялся по вертикальной лестнице и через квадратный люк размером не больше двух футов забрался на чердак. Икабода обнаружили в баке с холодной водой, совершенно целого, если не считать отсутствующего мизинца.

Моуди помолчал для пущей драматичности.

– Консулы заключили, что это было самоубийство, что у Икабода, вероятно, было «необъяснимое желание подкрепить легенду о Зимнем человеке». Но у привратника Ллойда были не только голые сомнения. Во время поисков Икабода он обратил внимание на то, что в доме царил порядок, все белье было выстирано, постели заправлены, на граммофоне крутилась пластинка с «Югом Тихого океана»⁵⁶. На плите даже стоял горшочек с ланкаширским рагу, на крышке записка, выведенная мелким угловатым почерком.

– Что в ней говорилось? – спросил другой пассажир.

– В ней говорилось: «майорана не хватает».

– Икабод мог сам сложить свою одежду, навести в доме порядок и приготовить рагу, – сказала еще одна пассажирка, оборачиваясь через спинку скамьи. – И поставить пластинку

⁵⁶ Очевидно, запись первой бродвейской постановки. Жена и дочь Икабода очень любили этот мюзикл.

на граммофон. Как сказали Консулы, чтобы придать достоверности легенде.

– Такое возможно, – согласился Моуди, – вот только Икабод не отличался особой аккуратностью и предпочитал рок-оперу «Иисус Христос – суперзвезда».

У меня был один-единственный вопрос.

– Икабод был недостойным?

Моуди обвел взглядом всех нас.

– В баке с водой нашли не только его. Там также были истлевшие останки его жены и десятилетней дочери, которые, как он утверждал, ушли из дома восемь лет назад.

Когда Моуди закончил свое повествование, его небольшая аудитория, одобрительно переговариваясь, вознаградила его угощениями, как того требует обычай. Меньше чем через минуту у него уже были полбатончика «Сникерса», восемь жевательных конфет, маленький батончик нуги и пакетик леденцов с ментолом.

– Встретимся позже в гостинице «Уинкарнис», – сказал мне экспедитор, откидываясь назад, чтобы немного вздремнуть, – и я расскажу тебе всё про синий «Бьюик» – и про «Гибер-тех».

Я вернулся в свое купе, где миссис Тиффен по-прежнему пребывала в целости и сохранности, оставаясь в Ступоре. Поезд сделал короткую остановку в Талибонте, чтобы высадить работника электростанции, и во время стоянки железнодорожники переставили тормоза; и вскоре мы снова тро-

нулись, но теперь уже быстрее, путь был свободен, и поезд набрал большую скорость.

Мы пересекли реку, одетую в кокон льда и снега, затем проехали через заброшенный полустанок, платформы и станционные строения которого были покрыты снегом и льдом. Поезд бежал вперед еще с пол часа и наконец с мягким свистом и приглушенным скрежетом тормозов остановился.

Мое путешествие в один конец закончилось.

Талгарт и «Гибер-тех»

«...Размещение основного комплекса «Гибер-тех» в Центральном Уэльсе было делом случая, однако это обстоятельство оказалось крайне благоприятным, когда для производства «морфенокса» потребовались повышенные меры безопасности. Поскольку Снегодонийский ледник начинается всего в тридцати милях к северу, а водящиеся в окрестностях в больших количествах Злодеи отпугивают путников, с обеспечением надлежащей безопасности никогда не возникало никаких проблем...»

«Краткая история “Гибер-тех”», под редакцией Рональда Фаджа⁵⁷

Пробудив миссис Тиффен из Ступорного состояния куском марципана, сунутым под нос, я скормил ей два ломтя солодового хлеба с фруктовым ароматом и палочку песочного печенья, после чего вывел из купе. Здесь было заметно холоднее, чем в Кардиффе; снег под ногами не скрипел, а скорее визжал. К этому времени уже совсем стемнело, и городок освещался не электричеством, а газом: дрожащие оранжевые огоньки светильников усиливали ощущение нереальности происходящего, словно мы стали свидетелями искривления времени.

⁵⁷ Говорящая фамилия: fudge – вранье; обманщик. (Прим. переводчика.)

Указатель на платформе извещал, что станция называется Талгарт: этот небольшой городок приютил комплекс «Гибер-теха». Я предупредил дежурную по станции, что доставлю свою подопечную по назначению и вернусь тем же поездом, и та ответила, что у меня есть по крайней мере два часа – времени предостаточно.

Пока Моуди наблюдал за разгрузкой, я повел миссис Тиффен к выходу со станции; там Аврору уже встретил мужчина, высокий, худой, с лицом, похожим на недавно смазанную маслом дыню для регби. Я почему-то подумал о старом трупе, сохранившемся в торфяном болоте.

– Консул Уортинг ⁵⁸, – сказала Аврора, когда мы с миссис Тиффен подошли к ним, – позволь представить тебе заместителя главы службы безопасности «Гибер-теха» агента Лайонела Хука. Он присматривает за всем в мое отсутствие. *Очень надежный человек. Был капитаном в армии до тех пор, пока не перешел к нам.*

– Вы... тот самый капитан Хук?

– Да, – подтвердил мужчина, и у него дернулось одно веко, – и если ты скажешь хоть слово про крокодилов, будильники и отрубленную руку, я вырву тебе глаз и заставлю его проглотить.

– Ничего подобного у меня и в мыслях не было, – искренне пробормотал я, поскольку на самом деле все это про-

⁵⁸ Впервые меня удостоили почетного звания «Консул», а не «Послушник». Я тогда еще не знал, как к этому относиться.

мелькнуло у меня в голове.

– Насчет глаза Хук пошутил, – успокоила меня Аврора, после чего, повернувшись к своему заместителю, произнесла уже более вопросительным тоном: – Ты ведь *пошутил*?

– Естественно, – после некоторой паузы подтвердил Хук, – совершил маленькую глупость. Чтобы разбить лед, понимаешь.

И он одарил меня улыбкой, у которой был такой вид, словно она сошла прямиком со страниц прочтенного наспех пособия по совершенствованию личного обаяния. Что еще тревожнее, Хук шагнул, чтобы заключить меня в Зимние объятия. От него пахло жевательным табаком, кислотой из аккумулятора и недавно околевавшей лошадю. Воспользовавшись возможностью, он также шепнул мне на ухо:

– Шаг в сторону – и я тебя уничтожу!

– И я тоже рад с вами познакомиться, – запинаясь, выдавил я, осознав, что смысл этого представления заключался в том, чтобы показать меня Хуку, а не наоборот.

– Хочешь, мы тебя подбросим? – предложила Аврора.

Я ответил, что мне нужны физические упражнения, и тогда она пожелала мне всего хорошего, после чего они с агентом Хуком уехали в полноприводной штабной машине, у которой был такой вид, будто она появилась на свет благодаря прискорбному союзу грузовика и семейного «универсала».

Мы с миссис Тиффен шли по пустынному городку, сле-

дуя указателям к комплексу «Гибер-теха». Я обратил внимание на повсеместное наличие закрепленных леерных ограждений – шестимиллиметрового стального троса, пропущенного сквозь ушки, привинченные болтами к стенам и фонарным столбам. Хотя в Кардиффе и Суонси предусмотрена возможность установки подобных ограждений, используются они только в чрезвычайных ситуациях. Здесь, судя по виду, ограждениями не просто пользовались, а пользовались *часто*. Если видимость упадет до нуля, закрепленные тросы не дадут человеку заблудиться – при условии, что он пристегнулся к ним фалом.

К «Гибер-теху» я подходил, полагаю, с трепетным волнением. Трудно было преуменьшить значение «морфенокса». Теперь, если человек доживал до Весны, это воспринималось как должное, а не как счастливая случайность. Сохранение навыков, пониженное потребление продовольствия, а также блага преобразования и трансплантации уже приносили свои плоды в нашей посткризисной экономике. Южный Альянс, сохранивший естественный сон, в прошлом не уступавший Северной Федерации, теперь безнадежно отставал во всех мыслимых общественных и финансовых сферах. С какой стороны ни взять, «морфенокс» был главным призом – если только ты мог заслужить право им пользоваться. Если мог, все хорошо и замечательно. Ну а если не мог, что ж, черт возьми, по крайней мере у тебя было то, к чему стремиться.

В комплексе «Гибер-теха» царили темнота и тишина: никаких признаков человеческого присутствия. Если бы не парад газовых светильников, освещающих дорогу, ведущую из города, можно было подумать, что он давно заброшен. Я знал, что комплекс площадью шестьдесят акров окружен со всех сторон голой безликой местностью, что было сделано сознательно, и с четырех наблюдательных вышек по углам двадцатиметровой стены открывался отличный обзор во всех направлениях. Большие двустворчатые двери, обитые с обеих сторон сталью, имели по краям узкие амбразуры. Сбоку от входа на стене висел телефон. Сняв трубку, я стряхнул с нее снег, нажал кнопку вызова и назвал себя.

– Младший консул Уортинг, Ч., БДА-26355Ф, – сказал я, – доставил женщину-лунатика. Тиффен, Л., ХАБ-31417Ф.

– Гм, – послышался в трубке голос, – мы ждали Логана, Дж, ДжХК-889521М.

Я объяснил, что Логан погиб и в соответствии с положением СХ-70 о Преемственности приказов и распоряжений я продолжаю выполнение его задания. После этого последовали новые вопросы, и, наконец, по-видимому, удовлетворившись, администратор отпер наружную дверь и впустил нас. Расставшись со своей «Колотушкой», я вошел в просторный, богато оформленный вестибюль с куполообразным потолком, величественной лестницей в глубине и несколькими широкими коридорами, уводящими в глубь комплекса. Лицом к письменному столу находился большой

стенд из матового стекла, рассказывающий историю корпорации «Гибер-тех», а на стене красовалась огромная эмблема «Гибер-тех», зрительно подавляющая портреты Гвендолин XXXVIII и Дона Гектора. Также я обратил внимание на два гольфмобиля, в каждом по лунатику, тупо уставившемуся в пол. Это меня удивило: умение управлять гольфмобилем выходило за рамки навыков тех преобразованных, кого мне доводилось видеть. Что совсем уж не к месту, у лунатиков были бейджики с именами. Какой-то шутник окрестил их Чазом и Дейвом ⁵⁹.

– Добро пожаловать в «Гибер-тех», – радостным тоном произнес администратор.

По его бейджику я определил, что его зовут Джош. Он был в черной форме с эмблемой «Гибер-тех» на нагрудном кармане, а за спиной у него болтался помещенный в рамку сертификат «Лучшего дежурного администратора недели». Этим было сказано все: или Джош был единственным, или он был единственным, от кого был хоть какой-то толк.

– Всегда рады гостям, – продолжал Джош. – Сам я в каком-то смысле тоже гость, поскольку я из Канады. Вам нужно непременно побывать там. У нас сто сорок восемь горных хребтов, однако почему-то нас в первую очередь знают по нашим деревьям. Вообще-то, почти вся страна занята деревьями.

⁵⁹ Чаз и Дейв – популярный английский поп-дуэт в составе Чарльза Ходжеса и Дэвида Пикока. (Прим. переводчика.)

- Мне бы очень хотелось побывать в Канаде, – сказал я, – но разве там не слишком... как бы выразиться... холодно?
- Ну только в смысле постоянного оледенения и тундры. Да, и давайте сразу уладим все возможные недоразумения: лакросс⁶⁰, наша истинная национальная игра, грубая *преднамеренно*, в то время как хоккей получается грубым *неумышленно*, и если только у вас нет массы свободного времени, не спрашивайте меня о поддельном кленовом сиропе. Боже милосердный, это бузуки?
- Да, это бузуки, – подтвердил я, и миссис Тиффен прилежно начала исполнять «Далилу».
- Джош вернул мне мои документы.
- Бдительность никогда не бывает лишней, – сказал он. – Лазутчики из «Истинного сна» рыщут поблизости. Вам приходилось с ними встречаться?
- Нет, – ответил я, – или по крайней мере я об этом не догадывался: как они выглядят?
- Как совершенно обыкновенные люди. В этом вся беда. – Он долго пристально разглядывал меня, выгнув правую бровь чуть выше левой. – У вас такой вид, будто вы совсем недавно изрядно подпортили себе карму.
- Можно и так сказать.
- Я просто ненавижу вселенскую скорбь. Чем я могу вас

⁶⁰ Лакросс – игра в мяч индейского происхождения; две команды, из 10 человек каждая, пытаются забросить мяч в ворота противника с помощью специальной клюшки. (Прим. переводчика.)

подбодрить?

Я подумал о Логане.

– Как насчет того, чтобы стереть в памяти плохие решения, изменяющие судьбу, как это делают путешественники во времени?

– Тут я ничем не могу вам помочь, но, быть может, в моих силах облегчить вызываемую ими боль. Задержитесь на обратном пути, и я приготовлю вам одно из своих творений.

– Творений?

– Доверьтесь мне.

Черкнув мне разовый пропуск, Джош попросил расписаться в журнале. Я с любопытством огляделся по сторонам. По коридорам ходили люди, они двигались неторопливо, и никто ничего не говорил. Несмотря на оживление, в комплексе царила неестественная тишина.

– У вас здесь всегда так тихо? – спросил я.

– Руководство считает, что пустая болтовня отвлекает от созидательных мыслей, – сказал Джош, выбирая лучший лимон из дюжины припрятанных под столом и доставая из шкафчика миксер. – Вы играете в «скраббл»?

– Как-то раз я выложил слово «трепанация» по утроенной ставке, получив сразу двести двадцать восемь очков.

Вскоре после этого я перестал играть. И, честное слово, другого выхода у меня не было. С тех пор все мои потуги повторить успех оборачивались сокрушительным разочарованием.

– Ого! – с восхищением произнес Джош. – Этак вы нас без порток оставите. Обычно мы встречаемся по утрам в «Уинкарнисе», с десяти до полудня. Присоединяйтесь к нам.

Я объяснил, что покидаю город ближайшим поездом.

– А жаль, – вздохнул Джош. – Ладно, как-нибудь в другой раз. Можете подождать вон в той комнате, если что, кричите. И не забудьте задержаться на обратном пути.

Комната ожидания была выкрашена в светло-зеленый больничный цвет, и вся ее обстановка состояла из неломющихся стульев и выцветших плакатов на стене. Самый большой изображал двенадцатую миссис Несбит, по-детски непосредственную и нескладную, обещающую «премию наличными за детовоспроизводство сверх установленных норм». Более радушными были плакаты Валлийского туристического бюро. Один рекламировал местные достопримечательности ставшим с тех пор популярным лозунгом: «Посетите Уэльс – дожди здесь идут *не всегда*», а на другом был пейзаж побережья в Розилли, с остовом выброшенной далеко на берег «Царицы Аргентины» и радушным и непоколебимым утверждением:

«Пусть всегда будет Говер».

В помещении стоял присущий больницам запах смеси краски, хлорки и свежевыстиранного белья. Я накормил миссис Тиффен двумя корнишонами и плавленым сырком, и она снова начала исполнять «Далилу», но только тише, словно к этому призывала строгая обстановка.

Минут через десять из-за угла появилась женщина, поглощенная чтением бумаг. У нее были короткие волосы и миниатюрные, заостренные черты лица. Совсем как у Люси Нэпп, что едва ли можно было считать удивительным, поскольку это *действительно* была Люси Нэпп.

– Люси?..

– Привет, Чарли, – улыбнулась Люси, – я слышала, что ты направляешься в наши края.

Встав, я неловко обнял ее.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я.

– В рамках Системы быстрого управления я получила назначение в Отдел эффективных преобразований. Здесь занимаются поразительными вещами. – Она оглянулась по сторонам. – А где Старший консул Логан?

– Он умер. Ну, точнее, его убили – Аврора.

– Вот как? И почему?

– Он собирался убить меня.

– Зачем кому бы то ни было убивать тебя?

– Долгая история, и мне нечем гордиться.

– Расскажешь, когда созрешь. Это то, что она умеет? – спросила Люси, указывая на миссис Тиффен, продолжавшую исполнять «Далилу».

– В общем, да.

– Впечатляет. Твою девушку с бузуки используют в научно-исследовательских работах: проект «Лазарь» заключается в *эффективном* преобразовании лунатиков для того, что-

бы они более плодотворно трудились на благо общества.

– Значит, *вот в чем* заключается проект «Лазарь», – сказал я. – А что насчет «морфенокса-Б»?

– Тут я не могу ничего подтвердить или опровергнуть, – улыбулась Люси, – а на тот случай, если это ускользнуло от твоего внимания, бумага, которую ты подписал на входе, это Соглашение о неразглашении тайны. Если ты проронишь хоть одно словечко о том, что здесь видел, мистеру Хуку – ты уже познакомился с мистером Хуком?

Я молча кивнул.

– Мистеру Хуку поручено обеспечивать выполнение этого Соглашения, и у меня такое чувство, что удовольствия это тебе не доставит. Говорят, однажды он вступил в схватку с голодным арктическим барсуком – и одержал верх.

– Это *не слишком* впечатляет.

Арктические барсуки славятся своим злобным нравом, но все-таки размерами они не крупнее средней собаки. Конечно, лично я предпочел бы с ними не связываться, но, если вооружение будет подходящим, скорее всего, для меня все закончится хорошо – разве что барсук отгрызет мне палец или вырвет глаз.

– Ему тогда было всего четыре года, – сказала Люси. – Он из зимокочевников – кажется, из рода Древнелишений. Это было частью его зимнего испытания ⁶¹.

⁶¹ «Зимокочевники», или «Зимние кочевники», нередко оставляют своих детей Зимой одних, чтобы отделить слабых от сильных.

– Хорошо, а вот это уже *очень* впечатляет.

– По крайней мере так говорят. Ладно, давай я отведу вас в крыло «Б».

Кивком пригласив меня к выходу, Люси дважды хлопнула в ладоши. Оба водителя гольфмобилей посмотрели на нее. У них были медлительные, заторможенные движения, свойственные лунатикам. Люси указала на того, которого звали Дейвом, он медленно подъехал к нам и остановился. Он просто сидел совершенно неподвижно, уставившись в стену выше и правее нас.

Люси предложила нам с миссис Тиффен сесть в гольфмобиль, затем села сама.

– Мы стремимся расширить навыки преобразованных лунатиков за рамки сортировки картошки и открывания дверей, – сказала она, – однако пока что эти работы находятся лишь на стадии производственных испытаний – вот почему мы не выпускаем подопытных за пределы комплекса. Правила компании требуют, находясь в гольфмобиле вместе с лунатиком, иметь при себе сандвич с джемом и коробку миндальных печений. Несмотря на свои навыки, они, проголодавшись, по-прежнему становятся кусачими.

Люси назвала водителю место назначения, и мы рванули с места под визг покрышек. Далее последовала гонка с объезжаемыми впритирку препятствиями и безрассудными вхождениями на полной скорости в слепые повороты, от которой у меня волосы встали дыбом, и лишь непрерывный

сигнал клаксона предупреждал пешеходов освободить нам путь. Похоже, управление гольфмобилем интересовало Дейва лишь частично, поскольку почти всю дорогу он таращился на мою руку так, как голодная собака смотрит на мозговую косточку.

Люси предупредила, что мне предстоит встреча с Достопочтимой Гуднайт ⁶², и попросила следить за своим поведением.

– Неужели?

– Да, именно так.

Мое удивление было вполне объяснимым: Достопочтимая Шарлотта Гуднайт оставалась последним ныне здравствующим членом «Гибертеховской пятерки», тесной группы тех, кто был рядом с Доном Гектором во время разработки «морфенокса». Гуднайт присоединилась к команде, будучи шестнадцатилетним дарованием в области химии, она лично довела до ума «ювенокс», препарат для тех, кому еще нет двенадцати лет. После смерти Дона Гектора именно она, что совершенно естественно, возглавила компанию.

– Что сказала мать Фаллопия, когда ты объявил ей о своем уходе? – спросила Люси.

– Она названа меня неблагодарным мерзавцем, сказала, что я умру в первую же неделю Зимы, а если место моего захоронения будет известно, она придет и спляшет на моей могиле.

⁶² Говорящая фамилия: good night – спокойной ночи. (Прим. переводчика.)

– Так прямо и сказала?

– Ну смысл ее слов был такой.

– И все-таки ты поступил правильно.

Мы въехали в автоматически открывшуюся дверь и оказались в другом длинном коридоре, но теперь он уже был открыт с одной стороны. Мне доводилось видеть фотографии комплекса с воздуха, и я знал, что он подобно учебным заведениям построен вокруг квадратной площадки посередине, однако тут речь шла о пространстве площадью двенадцать акров, с деревьями, кустарниками и даже ручьем, который, если бы не промерз насквозь, начинался бы на возвышении в одном углу, стекал по каменистому руслу, срывался вниз маленьким водопадом и с журчанием исчезал в противоположном углу.

– Весь комплекс изначально возводился как санаторий на четыре тысячи коек для страдающих от Гибернационного наркоза, – объяснила Люси, перехватив мой взгляд, – но когда исследования Дона Гектора и его команды принесли первые значительные плоды, комплекс был передан ему. К тому времени как была разработана первая эффективная версия «морфенокса», все заведение уже занималось исследованиями в области зимней спячки: каким образом обеспечить больший процент выживаемости, как сократить ее продолжительность и как лучше решать психические и физические проблемы, связанные с ранним пробуждением.

– Очень впечатляет, – заметил я.

– А то как же, – ответила Люси. – В программном заявлении «Гибер-тех» говорится о необходимости навсегда избавить человечество от пагубных социальных и экономических последствий зимней спячки.

– Это очень смелое обещание.

– В «Гибер-техе» всегда мыслят большими категориями. Ну вот мы и прибыли.

Гольфмобиль с визгом затормозил перед дверью с табличкой «Проект «Лазарь»».

– До-свидания-желаю-вам-всего-хорошего, – произнес Дейв так, словно он заучил эти слова на слух, не понимая их смысла.

Люси отперла дверь, набрав код на клавиатуре, и после нескольких поворотов направо и налево и еще одной двери мы оказались в круглом помещении с письменными столами, креслами на колесах и стеллажами. Из этого круглого помещения во все стороны лучами расходились восемь коридоров, вдоль которых тянулись камеры, где-то по двадцать на каждый коридор. Оттуда доносились звуки – невнятное бормотание и глухие удары, – а также характерный неприятный смрад немытых лунатиков. В глубине одного из коридоров санитар в прорезиненном фартуке поливал из шланга камеру, грязная вода стекала в проходящий посередине коридора слив.

Остановившись, я огляделся вокруг, придерживая за локоть миссис Тиффен. Справа от меня была застекленная

дверь, и, не устояв перед любопытством, я подошел ближе и заглянул внутрь. К креслу, похожему на те, что стоят в парикмахерских, был пристегнут лунатик в бледно-зеленом спортивном костюме. Прямо над ним висело странное медное устройство, похожее на конический столбик, какими пользуются дорожные рабочие, острием всего в одном дюйме от головы подопытного. За операционным столом двое техников возились с несколькими большими приборами, сплошь покрытыми кнопками, рукоятками, шкалами и четырьмя большими экранами. Техники что-то говорили, однако их голоса заглушались толстым стеклом в двери.

– Знаешь, до чего любопытство довело Варвару?

Я обернулся. Это была Достопочтимая Гуднайт.

Она оказалась старше, чем выглядела на рекламных плакатах, – по моим прикидкам, на пороге седьмого десятка. Тело в отличной форме, жировая прослойка, соответствующая середине Лета, немигающие голубые глаза. Гуднайт была в накрахмаленной белой форме, буквально излучающей деловую эффективность. Она смотрела на меня с плохо скрытым презрением.

– Ой, – пробормотал я, пристыженный тем, что меня застигли подсматривающим, – извините.

– Ну так как? – спросила Гуднайт.

– Что как?

– Ты знаешь, до чего довело Варвару любопытство.

– По-моему, ей оторвали нос.

– Извини, я тебя не слышу.

– Оторвали нос, – повторил я громче.

– Вот именно. Смысл этого, разумеется, совершенно понятен... – Остановившись, она задумалась на мгновение и повернулась к Люси. – Люси, дорогая, а *почему* любопытной Варваре нос оторвали?

Люси изучала досье на миссис Тиффен, но как только было произнесено ее имя, она встрепенулась.

– О... э... контекст, в котором были произнесены эти слова, не совсем ясен, мэм, однако *идиоматический* смысл не вызывает никаких сомнений.

– Вот именно, – согласилась Гуднайт, – я сама не смогла бы выразить это лучше. Идиома. Нашу работу невозможно потрогать руками, однако она необходима для общего блага. Выражаясь идиоматически... Люси?

– Лес рубят – щепки летят?

– Довольно близко.

– По-моему, это скорее... *пословица*, а не идиома, разве не так? – спросил я.

Обе женщины молча смили меня взглядом.

– Так, теряем интерес и двигаемся дальше, – сказала Гуднайт. – Где Старший консул Логан?

– Его убила Аврора.

– Просто так, ради удовольствия?

– А Аврора *убивает* людей просто так, ради удовольствия?

– Не твое дело задавать вопросы, Консул. Токката уже знает о смерти Логана?

– Полагаю, *пока что* не знает, – сказала Люси.

– Кто ей это скажет? – спросил я.

– Только не я, – поспешно сказала Люси.

– И не я, – добавила Достопочтимая Гуднайт, продолжая пристально разглядывать меня. – Что у тебя с головой?

Опешив от ее бесцеремонности, я непроизвольно ощупал правую часть лица, вогнутую внутрь и закрученную влево, отчего правый глаз у меня ниже левого примерно на ширину полутора глазных яблок. Для меня самого, моих друзей и сестер в приюте я просто был такой как есть, и тут не требовалось никаких комментариев – на самом деле никто этого даже не замечал; однако по реакции окружающих я чувствовал, что отношение ко мне находится где-то между «занятно» и «уродливо».

– Врожденная деформация черепа, – сказал я.

– А, – небрежно бросила Гуднайт, показывая, что ее интерес был обусловлен чисто медицинской стороной дела. – Значит, это не отложение солей кальция?

– Нет, мэм.

– Не повезло тебе, – продолжала она. – Мы работаем над уменьшением и даже обращением последствий отложения солей кальция.

– Сам я не считаю это невезением, – сказал я.

– Знаешь что? – сказала Гуднайт. – На самом деле мне это

неинтересно.

И без предупреждения она раскрыла английскую булавку и вонзила острие в предплечье миссис Тиффен. Набухла красная капелька. Я оказался единственным, кто вздрогнул; мертвая женщина даже глазом не моргнула.

– Тебя пугает вид крови, Консул? – спросила Гуднайт. – Сострадание, проявленное не к месту, обернется для тебя гибелью.

– При всем глубочайшем уважении к вам, мэм, я думаю, что это было любопытство.

– Возможно, именно из-за этого Варвара лишилась носа, – после недолгого размышления заключила Гуднайт. – Любопытство... по поводу сострадания. – Она посмотрела на Люси в надежде на семантическую поддержку, но та лишь пожала плечами. – Ну хорошо, – продолжала Достопочтимая Гуднайт, протягивая мне акт о передаче опеки. – Распишись на пунктирной линии.

– Много у вас таких? – спросил я, принимая журнал. – Я имею в виду, Отсутствующих, выполняющих действительно хорошие штучки?

Достопочтимая Гуднайт подозрительно покосилась на меня.

– Мы не разглашаем нашу статистику, – сказала Люси.

– Долгосрочная политика компании, – объяснила Достопочтимая Гуднайт, когда я расписался в акте о передаче опеки. – «Истинный сон» любит припирять нас к стенке нашими

же собственными данными, поэтому мы их не обнаруживаем – факты могут сбивать людей с толку. Но, отвечая на твой вопрос: у нас была Шутница, которую когда-то звали Доротеей, так вот, она умела переводить все, что говорили вокруг, в азбуку Морзе. Мы так и прозвали ее «Точка-тире». Мы преобразовали ее в оператора коммутатора, и на испытаниях она работала без выходных, шестнадцатичасовые смены, прерываясь только раз в полчаса на то, чтобы сходить в туалет и перекусить. Ну как вам нравится *такая* производительность, а?

Если честно, мне стало жутковато.

– Ну да, – сказал я, – поразительно.

– Поразительно? – презрительно повторила Гуднайт. – Жуки, воздушные гимнасты, Роден, суда на воздушной подушке и любые творения Брунелей ⁶³ – вот что можно назвать поразительным. А то, чем мы здесь занимаемся, выходит *за рамки* поразительного.

– Потрясающе? – предложил я.

– Беспрецедентно, – сказала Гуднайт и, забрав акт, поставила свою подпись под моей, тем самым сняв с меня ответственность за миссис Тиффен.

– Вот твоя премия, – сказала Люси, протягивая мне расписку на пятьсот евро, подлежащую погашению в «Миссис Несбит». – Извини, – добавила она. – Знаю, обыкновенно

⁶³ Имеются в виду отец и сын Марк Изамбард (1769–1849) и Изамбард Кингдом (1806–1859) Брунели, выдающиеся английские инженеры. (Прим. переводчика.)

расплачиваются наличными, но в «Гибер-техе» сейчас проходит рекламная кампания.

– Да, кстати, – спохватилась Гуднайт, оборачиваясь к нам, – были какие-либо перемены?

– Перемены в чем?

– В *ней*, – отрезала Гуднайт, указывая на мертвую женщину. – Перемены в поведении. В игре на бузуки, в поступках. Она стала хуже, стала лучше, более капризной, менее капризной, что?

– Прежде она играла «Помоги себе сам», а теперь играет только «Далилу». Это нормально?

– Такое бывает. Всё, на этом конец. «Гибер-тех» тебя благодарит.

С этими словами Гуднайт взяла мертвую женщину под руку и повела ее по коридору к камерам. *Без* бузуки, что говорило о многом. Меня охватила леденящая дрожь, но Люси уже повела меня обратно к выходу, и как только мы сели в гольфмобиль, началась та же самая бешеная езда. Мы пронеслись вдоль центрального квадрата; растительность внутри была такой буйной и густой, что с трудом проглядывала противоположная сторона комплекса.

– Когда Дон Гектор только появился здесь, все было тщательно ухоженным, – заметила Люси, перехватив мой взгляд. – По рассказам, целые мили усыпанных гравием тропинок среди многообразия деревьев и подстриженных живых изгородей. Место отдыха, где прогуливались пациен-

ты санатория. Тут были водопад, известный как «Ведьмин пруд», теплицы – и даже грот, эстрада и храм Морфея. Теперь все это заросло.

Мы вернулись сквозь двустворчатые двери назад в тепло, визжа покрывками по скользкому линолеуму на полу.

– Тебе не жутко от всех этих экспериментов с преобразованиями? – спросил я.

– Конечно, работа требует постоянного напряжения, – призналась Люси, – но перспектива рабочей силы с потенциальной производительностью восемь с половиной миллионов часов – это не шутка. Только представь себе: преобразованные обладают навыками, позволяющими им работать на заводах. Себестоимость всех товаров снизится в разы!

– Ну а «морфенокс-Б»? – спросил я.

– Его представят к следующему лету, и он будет доступен всем. Этот прорыв изменит правила игры – но я тебе ничего не говорила.

Улыбнувшись, Люси подняла брови и приказала водителю гольфмобиля остановиться.

Тот послушно повиновался, и она вышла перед отделом фармацевтического производства.

– Ты прямиком обратно? – спросила Люси. – Насколько я слышала, с Консулами Двенадцатого сектора лучше не связываться.

– Прямиком домой, после того как повидаяюсь с одним человеком.

Я выбрался из гольфмобиля, чтобы обнять Люси.

– Пусть Весна примет тебя в свои объятия, – сказал я.

– И тебя тоже. Встретимся в следующий Обжорный четверг. Я припасу для тебя гамбургер.

Я сел обратно в машину, Люси крикнула водителю: «Главный вход», и мы снова понеслись вперед. Вскоре силуэт Люси скрылся за углом, и мы продолжили путь к регистрации в той же опасной манере, что и прежде.

Однако теперь мои мысли были заняты не опасениями погибнуть или получить тяжелые увечья при аварии гольфмобиля, а проектом «Лазарь». Сведения о лунатиках всегда были скудными и отрывочными, однако из сказанного Люси и Достопочтимой Гуднайт следовало, что задача использования труда лунатиков переходит в новую стадию. Еще более досадно то, что мое решение совершить безумно опасное зимнее турне исключительно ради гарантированного права на «морфенокс», возможно, окажется бессмысленным, если препарат будут раздавать всем и каждому.

Ход моих мыслей оборвался, когда гольфмобиль резко сбросил скорость и остановился. Я посмотрел на водителя. Тот неподвижно застыл, подавшись вперед, уставившись на пол перед собой. Я протянул было руку, чтобы тронуть его за плечо, но он вдруг обернулся и смущенно посмотрел на меня.

– Вы скажете ей, что я сожалею? – четко и вразумительно произнес водитель.

Я опешил – казалось, он внезапно забыл, что он лунатик.

– Сказать кому?

– Произошла страшная ошибка, – в замешательстве добавил водитель, словно не понимая, что и почему говорит, – и не проходит недели без того, чтобы я о ней не вспомнил.

Его лоб пересекла глубокая складка, будто он пытался ухватить потерянную ниточку. У него на лице отразилось недоумение, затем растерянность, нижняя губа задрожала.

Я положил руку ему на плечо.

– Дейв! С вами все в порядке?

Но водитель ничего не сказал, и мы снова рванули вперед под визг покрышек. Через пару минут мы уже вернулись к регистрации.

– Спасибо-за-то-что-путешествовали-с-«Гибер-техом», – механически произнес Дейв, – и-счастливого-обратного-пути.

Я подошел к стойке администратора, чтобы вернуть разовый пропуск.

– Чарли! – воскликнул Джош. – Ты только взгляни, что я приготовил для тебя, чтобы поднять тебе настроение, так сказать! Я называю это «Коктейлем полного спектра», в состав входят черничный, мятный и лимонный сиропы и кока-кола. Для того чтобы его приготовить, я выжал сок из семи лимонов и целого арбуза, воспользовавшись новой эффективной и невероятно небезопасной технологией, которую я называю «рука в измельчителе». Если найдешь твер-

дый кусочек, который трудно прожевать, возможно, это будет кончик моего мизинца.

– Правда?

– Да. На переднем крае кулинарных нововведений, – весело добавил Джош, – потери неизбежны.

В доказательство своих слов он поднял забинтованный палец, и я уставился в стакан.

– Можно было процедить сок, чтобы вытащить палец, – пробормотал я.

– В этом случае пропала бы вся мякоть фруктов. Это же всего лишь самый кончик, так, пустяки.

Я попробовал коктейль, оказавшийся чем-то средним между фруктовым соком и молоком с мятой. На самом деле вкус мне очень понравился, о чем я и сказал Джошу.

– Рад, – улыбнулся тот, – очень рад!

Я допил коктейль, вытащив кончик пальца до того, как его проглотить. Он действительно оказался очень маленький. Я поставил пустой стакан на стойку.

– Спасибо, – сказал я. – Должен доложить о том, что мой водитель хотел извиниться перед женщиной, которую когда-то знал.

– Ты уверен? – спросил Джош.

– Да.

– *Полностью* уверен?

– Да.

– Ты это не сочиняешь?

– Нет.

– Ладно, – помрачнев, сказал он, – как тебе вот это? Я сделаю примечание.

Открыв путевой журнал Дейва, Джош записал примечание. Но только это было не примечание, а черный крестик. Сделав это, он поспешно захлопнул журнал и шумно вздохнул.

– Отголосок из прошлой жизни, – пробормотал Джош, – забытое воспоминание, всплывшее на поверхность. Однако воспоминание, лишённое функционирующего сознания, которое придало бы ему значимость и контекст, представляет собой не более чем бессвязный набор слов на клочке бумаги. Ты не согласен? Понимаешь, на самом деле очень важно, чтобы ты согласился.

Он посмотрел на меня с проникнутым болью выражением.

– Я согласен.

– *Замечательно!* – воскликнул он с буквально осязаемым облегчением. – На обратном пути можешь забрать свое оружие. Загляни к нам, как только сможешь, и не забудь про «скраббл». Бар при гостинице «Уинкарнис», по утрам.

Поблагодарив его, я направился к выходу. Оглянувшись, я увидел, что Джош снимает со стены сертификат «Лучшего дежурного администратора недели». Полностью успокоился я только тогда, когда благополучно покинул пределы комплекса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.